

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей
КРУЗ

Новый
роман
от автора,
который
не нуждается
в рекламе!

РЕЙТАР

Андрей Круз

Рейтар

«ЭКСМО»

2013

Круз А.

Рейтар / А. Круз — «Эксмо», 2013

Века назад по этим землям прокатилась страшная война, почти истребившая людей и отбросившая тех, кто выжил, от космических ракет к тележному колесу. Но не усвоив урок, люди снова готовы грызться друг с другом за пашню и выгон, чистую реку или торговый тракт. Поверив союзнику, полки Вольных вышли на бой с кочевниками и попали в западню – когда князь Орбель Валашский задумал извести под корень целый народ, для спокойствия власти и удобства торговли. Сотник Арвин остался жив, но в одночасье потерял все: дом, жену, детей, родичей и товарищей. И поклялся отомстить: добраться до Орбеля и воздать ему за злодеяния. Теперь его путь – это дорога наемника, готового на все для осуществления задуманного. Черная дорога крови и боли...

© Круз А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Вольный	5
1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	15
7	19
8	25
9	28
Наемник	31
1	31
2	33
3	34
4	38
5	40
6	47
7	50
8	52
9	61
10	63
11	65
12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Круз

Рейтар

Вольный

1

Стук копыт донесся с улицы, частый, быстро приближающийся.

– Это кто там в галоп скачет? – спросил я, вскинувшись и откладывая в сторону охапку сена, которую собирался закинуть в кормушку гнедой.

– Я гляну! – крикнул Олвин и бросился к воротам конюшни, откуда в пыльное ее нутро врывался беспощадно поток солнечного света.

Сын пробежал мимо меня, встал в воротах, от чего свет словно трафаретом вырезал из действительности его тощую и жилистую мальчишескую фигуру – мускулистый торс, узкие бедра, с которых съезжали широкие штаны и свалились бы, если бы не помочь через плечо.

– Отец, вестник!

И действительно, с улицы донеслась визгливая трель свистка, вынудившая меня броситься следом за сыном. Сел, смуглый и темноволосый сын старосты, мальчишка четырнадцати лет, ровесник моего Олвина, уже гарцевал на тонконогой серой кобыле прямо перед воротами загона, размахивая желтым флажком на тонкой пике.

– Сел, что за шум? – крикнул я.

– Сбор на площади всех вольных! Опять степняки близко!

Голос у него ломался по возрасту, поэтому всю эту короткую речь он умудрился прокричать на разные голоса, от неожиданного баска до визгливого фальцета.

– Ты уже обратно?

– Да, мастер Арвин! – крикнул он. – К Толстому Бэллу загляну, и все.

– Буду! – крикнул я.

Сел толкнул лошадь ногами, и та с места пошла рысью, поднимая облачка пыли копытами. Я посмотрел ему вслед, чувствуя какое-то смутное беспокойство. Кочевники не такой уж большой сюрприз, пару раз в год они возникают неподалеку и нападают далеко не всегда, и то, когда уверены в безнаказанности, но вот сейчас словно что-то засвербило в середине груди, нечто смутное.

– Отец, седлать? – подскочил ко мне с вопросом Олвин.

– Давай, сынок, Шутника седлай, – кивнул я и направился к дому.

Шутник – конек молодой, еще с норовом, ему полезно лишний раз под седлом пробежаться, привыкнуть к хозяйской руке. А вот как привыкнет, тут ему цены не будет, таких коней в окрестностях ни у кого нет. Если бы флажок на пике красным был, то тогда не до выучки было бы, оседлал бы гнедого Кузнеца, мощного и зрелого мерина, обученного и строю, и бою, и сразу на сбор бы отправился, но раз флажок был желтым, то срочности нет. Может, выступим завтра, а может, и вовсе не выступим, а только разезды отправим, следить, как бы беспокойные наши соседи не начудили. Впрочем, какие они соседи? Перекати-поле, приходят и уходят, разве что приход их обычно мало радости доставляет.

Широким шагом, торопясь, прошел через двор, к дому, большому, низкому, с бойницами вместо окон по наружной стене. Толкнул тяжелую деревянную дверь и очутился во внутреннем дворе. На плетеных травяных циновках, под навесом, играли с кошкой двое детей, девочка и маленький мальчик, дочка и младший сын.

– Папа! – вскочила на ноги семилетняя Лиана. – Возьмешь нас завтра в город?

– В город? – сделал вид, что озадачился, я. – А ты маме помогала?

– Я с Димом сижу! – Она обличающим жестом указала на малыша. – И обед готовить помогала.

– Ну, тогда подумать надо, – развел я руками. – А вообще, княжна моя, не знаю я точно, сбор объявили.

Что такое «сбор», знают даже дети, поэтому Лиана погрузилась и принялась возиться с кошкой. А ведь время самое ярмарочное. Мы коней продали закупщикам армии князя Валашского за хорошую цену, все вокруг торгуют и расторгиваются, в городках веселье, все отдыхают. Но долг есть долг, от степняков всего можно ждать. Могут попасть свои табуны и стада вдалеке да и уйти, а могут, если слабину заметят, напасть. И тогда беда, все сожгут, все разграбят, всех, кого смогут, в плен угонят.

Толкнув дверь, вошел в полумрак горницы, отдал короткий поклон алтарю – маленькой площадке с горящим фитилем, плававшей в чаше с водой, Брату с Сестрой уважение от нашего дома.

Жена возилась у стола, собираясь накрывать стол. Я глянул на нее исподтишка – словно и не было ей сорока лет и пяти детей, из которых боги двоих прибрали в младенчестве. Все такое же гибкое и сильное тело, все так же густы ее светлые волосы, собранные в длинный конский хвост на затылке, и шея до сих пор без единой морщины.

Обернулась, насторожилась. Сразу чувствует, когда что-то не так.

– Полдничать не останешься?

– Заверни что-нибудь, по дороге поем, – сказал я, обняв ее за плечи и поцеловав в пахнущую ванилью щеку. Она еще и булочки испекла.

– Вот булочек закинь пару, их и съем по дороге.

– Сбор? – спросила она. – Я коня слышала.

– Сбор, – кивнул я. – Но пика желтая, особой тревоги нет.

Быстро переделался из рабочего, пахнущего конским потом, в обычное платье. Натянул сапоги до колена, вышел на двор, отполировал ваксой так, чтобы в них смотреться можно было. Рабочий жилет, что на голое тело носится, сменил на холщовую рубаху, с вышивкой по воротнику – рукоделием дочери. А наверх уже натянул жилет из холстины грубой, почти дерюги, в серо-зеленый цвет крашенный. Без него из дому выходить плохо. В карманах и часы, и платок, и всякие мелкие принадлежности.

Ну и как венец всему, на пояс-патронташ револьвер повесил. Хороший револьвер, кавалерийский, с длинным восьмигранным стволом в две пяди, с рукояткой из дорогого дерева, на котором мастер вырезал символы Брата справа, а Сестры слева, язык пламени и каплю воды. Вроде как пусть боги направляют руку стрелка.

Я снова поцеловал жену, взяв из рук ее сумку с едой, и вышел из дому, на ходу наматывая шемах. День был жаркий, даже знойный. Когда подошел к конюшне, сын уже заканчивал седлать Шутника.

– К темноте вернись, – сказал я ему, забирая поводья. – Ты, пока кони в загоне будут, гнедой кормушку перевесь повыше, по грудь, она вроде как прикусывать начинает. Не дело это, со скуки ведь. И дверь денника креозотом помажь сверху, чтобы ей противно было. Затем возьми Ворчуна и учи. Сегодня поворот на месте, а потом на вольтах погоняй, понял?

– Бать, Ворчуна на продажу? – сморщился Олвин.

– А куда же еще? – удивился я. – Для того и растили, к весне в реестровый возраст войдет, надо, чтобы уже учен был. А тебе волю дай, так ты всех себе оставишь, с голоду помрем. Ладно, давай, за старшего остаешься.

Закинув поводья за голову и вцепившись заодно и в гриву, я забрался в седло, чуть толкнул ногами конька. Тот неожиданно резво рванул с места сразу в рысь, застоялся, и я чуть

придержал его, заставляя перейти на шаг. До городка десять верст, пусть первую шагом пройдет. Это ведь тоже военная наука, а Шалун хоть и не на продажу предназначен, а повоевать ему наверняка придется. Такая уж судьба у нас, жителей Степи, мирная жизнь нам не суждена, сколько бы мы о ней богов ни молили.

Степь была пуста, хоть за ближайшим холмом у нас соседи – Толстый Бэлл со своим многочисленным семейством. У Бэлла аж пять сыновей, таких же крупных и сложением на быков похожих, как и он сам. Бэлл тоже лошадей разводит, как и я, и еще коров держит. А вот и он сам как раз показался из-за увала с двумя своими старшими. Идут клином, красномордый и бородатый папаша впереди, на массивном жеребце вороной масти, а сыновья, такие же осанистые да усадистые, бородатые, разве что чуток пожиже, по бокам и сзади, все в бледно-желтых шемахах, это у них такой цвет семейный.

Помахав рукой, я свистнул, и сразу же ветер принес ответный сигнал. Три всадника осадили коней, ожидая меня. Поравнялся с ними, поздоровался первый. Сыновья Бэлла поклонились мне, а сам Бэлл руку протянул и показал место справа от себя, мол «присоединяйся». Так и поехали дальше уже строем, в колонну по два. Все определяется правилами или уставом, уж для чего что применится. Мы вот с Бэллом в ополчении взводные, он, как и я в свое время, в кавалерии в Валашском княжестве служил, разве что я чуть позже, он на десять лет меня старше. А в отставку уйдя, подписал обязательство осесть на рубеже Великой Степи, за что освобожден пожизненно и наследственно от всех налогов и податей, взамен лишь выступая буфером между лихими степняками и населенными землями княжества, прорваться куда кочевники спят и видят, вот там бы грабеж был хоть куда. Спят и видят, а наяву никак – вольные поселенцы не пускают.

– А что, мастер Бэлл, не слышал, что за шум?

– Да вроде из Валаша какие-то люди прискакали, слышал тут краем уха, – ответил тот, хмыкнув в бороду. – Поднимают вольных на поход в Степь.

– А почему они? – удивился я.

Такое редко бывает. Обычно нашествия и рейды степняков разъезды вольных первыми обнаруживают, и уже затем мы гонцов шлем в княжество, предупредить о возможной опасности. Рейды мы отбиваем, но ведь иногда бывают и такие набеги, которые иначе как Нашествием не назовешь, и тут уже наших сил может не хватить. А вот так, чтобы известие о кочевниках шло из княжества... Это уже странно.

– Не знаю, мастер Арвин, сам поражаюсь. Но послушаем, что скажут. Все равно дело к учениям, так или иначе, а пора сотню собирать. В степи сушь, степняки для табунов корм ищут, так что от них что угодно ждать можно.

– Это верно, мастер Бэлл, – согласился я. – Думаю, что и разъезды бы в Степь дополнительные послать надо, и молодым опыт, и нам уверенность дополнительная.

– А что, верно, старосте сказать надо бы.

– Если о разъездах говорить, то он уже не староста, а сотник, – усмехнулся я.

– Верно говоришь, мастер Арвин, – солидно кивнул Бэлл.

Пыльная дорога вела нас к городку, виляя между пологих холмов, обходя выветренные балки, окруженная сухой травой, шумящей на тихом ветру. Бешено стрекотали кузнечики, целые стайки мотыльков кружились в непонятном танце над кустами голубых цветов майского глаза, и где-то высоко-высоко, в самом небе, кувыркался и заливался песней жаворонок.

2

Собрание толпилось перед храмом на просторной базарной площади. Запах пыли, конского навоза и пота, шум голосов, запах табака из трубок, треск разгрызаемых тыквенных семечек, засыпавших своей кожурой всю землю, и теперь эта кожура трещала под крепкими подошвами кавалерийских сапог. Городок вольных собрался на зов.

Староста, а теперь уже сотник, при шнуре, стоял на крыльце храма, о чем-то разговаривая с двумя княжескими офицерами. Один из них в чине первого сотника, второй – просто сотник. Оба в серых мундирах с рыжими кожаными портупелями и красными погонами, в кожаных кавалерийских касках с большими валашскими позолоченными орлами.

В дальнем конце базарной площади возле лошадей стояли солдаты их сопровождения, кавалерийский десяток. Они окликали проходивших девушек и пытались заигрывать, но вполне невинно. Это же не городишко в княжестве, где солдат княжеского войска власть немалая, а городок вольных, тут власть своя, местная, в былые времена добытая боем и кровью, когда поселенцы на окраине Великой Степи противостояли как натиску кочевников, так и жадных владетелей. И, в конце концов, кочевников отвадили без ума нападать, а владетели тоже сочли за благо не вмешиваться в жизнь поселенцев, удовлетворившись тем, что они прикрывают и берегут границу заселенных земель.

– Вольный люд! – обратился к толпе сотник. – К нам от князя с вестями посланцы прибыли, надо выслушать!

– Давай! Давай! – загомонил толпа, предоставляя слово гостям.

– Спасибо, господа вольный люд! – вежливо обратился к толпе один из прибывших начальных. – Я первый сотник Фарин, из славного войска князя Валашского Орбеля Второго, владыки течения Быстрой и дельты Широкой, владыки двух Забытых городов и земель Междуречья, да благословят его Брат и Сестра на долгую жизнь и новые свершения.

– Давай! Давай дальше! – закричали несколько голосов, подразумевая, что сотник Фарин в своем верноподданническом восторге начал уже кота за хвост тянуть.

– Господа вольный люд! – Зычный сотниковский голос перекрыл крики толпы. – От союзников нам дали знать, что степняки готовят большой набег. Хотят прорвать границу городков и дойти до самой Быстрой. Штаб войска княжеского полагает, что вольным в одиночку не выстоять, а если не выстоите вы, то воевать придется уже на земле княжества, от чего ему разорение и ущерб ожидается. Поэтому Его Княжеское Высочество приказали войску присоединиться к вам и укрепить границу. Если степняки прорвутся, то войско встретит их на рубеже городков.

– Ишь, умные, – аж крякнул Толстый Бэлл. – Мы воюй, а они в тылу «укреплять» будут.

– А чего им на рожон лезть? – спросил скотовод Аржи. – Если мы не остановим, так ослабим, им же проще. А остановим, так все равно в поход ходили, врага побили, извольте всем орденів отписать.

– Да тут дело такое, – почесал в затылке Бэлл, – товарищ у меня гостил, с верховьев, так говорит, что княже Орбель многоумный что-то там мудрить начал. Скалы взрывает, рабов нагнал на работу.

– И чего? – насторожился я.

– Подозревает народ, что князь задумал Вертлявую в другое ущелье повернуть, она тогда в Быструю пойдет.

– Погодь, погодь, – нахмурился Аржи. – Пастбища наши от Вертлявой питаются, вся вода в колодцах от нее, небось, тоже. Высохнет степь, если ее отвести. Чем князь думает?

– Головой он думает, – мрачно сказал я. – Если степь сохнуть начнет, то и степняки сюда избегать ходить будут, и нас с земли сгонит. Даже не сгонит, а сами уйдем. Что делать будем, когда ни земля родить не будет, ни трава сок не возьмет.

– Это точно, – подтвердил Бэлл. – Князю мы что зуб больной, и спать не дает, и тронуть страшно. К нам бегут, а мы не выдаем. Издольщики землю бросают и к нам перебираются. В общем, без нас ему лучше было бы.

– А нас куда? – возмутился Аржи.

– На кудыкину гору. И с горы в обрыв. Так лучше всего, – ответил Бэлл. – Орбель монофизитствующим первая опора, а мы сами знаете кто, обновленцы. Первосвященник валашский нашу ересь проклятию еще когда предал? Терпят нас тут, связываться не хотят просто.

Это уж точно, любовью к нам княжеская власть никогда не пылала. А после церковного раскола, что с каждым годом все заметней становится, к этому князья набожность примешиваться начала. Другое дело, что не будь нас тут, то целое войско на рубеже держать придется и содержать, а вот если так, с засухой... а пойдут тогда степняки сюда вообще? Вообще-то пойдут, но никто же не говорит, что князь у нас умный. Поблазнилось дураку, что так он одной стрелой двух уток собьет, вот он и суетится в верховьях.

– А может податью обложит такой, чтобы у нас шкура полопалась, – усмехнулся Бэлл. – Если он по своему желанию сможет воду давать сюда или не давать.

– Так прямо на вражду с вольными и пойдет? – удивился Аржи.

– Пойдет или не пойдет, дело десятое, а вот в тех краях ему у плотины крепость поставить с сильным гарнизоном, и демоны ведают, что мы тогда сделать сможем, – сказал Бэлл, сотворив знак богов при упоминании демонов. – Да и горцев нанять никто не мешает в помощь.

С горами верно, они за деньги служить будут, причем с радостью. Вроде и одного языка с нами люди, а внутри совсем другие. В горах земли бедные, жил народ всегда скудно, вот и грабили друг друга и соседей или на службу нанимались. Воины они хорошие, да народ плохой – и переметнуться могут, и в спину ударить, только своя выгода их заботит. И если возьмутся охранять предгорья, то тогда все, нам и соваться туда нечего, можно в горах и ущельях с ними до скончания времен резаться.

Тем временем слово снова перешло к нашему сотнику. Он крикнул:

– Господа вольный люд! Властью, данной мне собранием, а также согласно приказу полковника объявляю на завтра сбор и поход. Сотня, обоз и батарея, с полным припасом, сбор и строевой смотр у городка на выгоне к пятому колоколу. В городке остается два десятка нести дозорную службу и инвалидное ополчение. Как с семьями быть на время похода – пусть каждый сам решает, большой опасности пока не вижу.

Опасности я и сам не видел особой, степняков мы и раньше отбивали, с помощью княжьего войска и подавно отобьем, но вот что-то покою не давало. Словно нечто нужное взять забыл, да вспомнить не получается, что именно.

Вид у княжьих офицеров был довольный, как будто и не на войну, а на праздник собираются. У сотника усы как у кота торчат, руки за спину заложил, глаза из-под каски блестят, как пуговицы на мундире. Сотник же своим солдатам что-то командовал, размахивая рукой с зажатым в ней стеклом. Те спешно закидывали поводья на головы лошадей, собираясь в путь. Интересно, а драгуны-то из «Серых Воронов», отборные части, княжеский конвой, можно сказать, не к лицу вообще-то им каких-то обычных вестников сопровождать. Это тоже странно. А все, что странно и при этом касается княжеской власти, скорее всего, еще и опасно. Знать бы только, с какой стороны опасность эта самая подкрадывается.

3

– Ты понял меня, сын? – еще раз спросил я, глядя Олвину в глаза. – Если даже покажется тебе, что неправильно что-то вокруг, уходи в городок сразу. Не жди ничего.

– Но что может показаться, отец? – упорно не понимал он.

На этот вопрос я и сам толком ответа не знал, просто как появилось вчера чувство, зудящее где-то в глубине души, так и не отпустило по сей момент.

– Я не ведаю, – честно ответил я ему. – Ты за старшего остаешься, ты и соображай. Как увидишь что-то, что заставит тебя подумать, что так не бывает и раньше такого не случалось, семью в фургон и гони за стены.

– Я понял, – кивнул он.

– Старый мой карабин я тебе оставляю. Сотня патронов к нему есть. Ты за главу семьи, тебе семью и защищать.

Его глаза перескочили на стену, где на ковре висели, поблескивая полированным деревом, несколько винтовок. Посередине мой карабин, с каким мне сейчас в поход идти. Темное, почти бурое дерево, синеватая сталь, восьмигранный ствол. На прикладе кожаные петли патронташа на пять патронов, пробитые по сгибам медными гвоздиками. Красивый карабин, рюгельской работы, не поскупился я на деньги, когда покупал, и бой у него точный. Рядом с ним еще один, деревом посветлее, и ствол круглый, серой стали. Этот попроще, я с ним вернулся со службы в Первом полку легкой кавалерии, отдан был как награда за службу, помимо медали. Он и перешел теперь в распоряжение старшего сына, равно как и висевшая рядом с ним уставная шашка в наседельных черных ножнах, тоже принесенная мной со службы.

– С шашкой каждый день тренируйся, – снова взялся я наставлять Олвина. – Болвана слепи из мокрой глины и на нем. Все помни, чему учил. Как с одного удара от плеча до пояса его срубишь, да так, чтобы в срез как в зеркало смотреться можно было, так и научился, считай. Каждый день стреляй из малой винтовки, хоть охоться, хоть просто по цели. День пропустил – снова наверстывай. Вольный не столько рубака, вольный в первую очередь стрелок лихой, тот, что с седла на скаку в цель попадает. Нам даже рейтары не соперники в этом деле.

Сын снял с ковра простенький с виду однозарядный карабин, открыл затвор.

– И патроны к нему крути, чтобы свободных гильз не было, понял?

– Понял, отец. Кроликам сезон, охотиться буду, мать закоптит.

– Охотиться-то охоться, – усмехнулся я. – Ты до охоты жадный, но про работу не забывай. Помощников тебе нет, городок весь на службе, так что ты один за всех.

– Ну почему за всех, ты уж обо мне не забывай, – вмешалась, наконец, в разговор жена. – Лиана за братом доглядит, а я с лошадьми помогу.

Вот у степняков женщин к коням не подпускают, кочевники считают, что женщина коня испортить может. Даже кобыл доят мужчины у них, а потом сами делают вонючее хмельное пойло из этого молока. А у вольных женщины всему обучены, надо будет, и в седло сядет, и стрелять сумеет, и за конями присмотрит. Арина, половина моя любезная, и из револьвера палить умеет так, что с двадцати шагов шесть яблок с ограды загона сбивает за четыре секунды, так что, случись дурное, не на одного Олвина надежда. Нельзя у нас по-другому, богато живут вольные, сытно, но немного нас, каждый боец на счету.

Ну, семье наставления все дал, какие в голову пришли. Да и семейные у меня опытные, сколько раз я уже в походы ходил – не счастье. Привыкли. Португею с шашкой пока на плечо, потом на седло перевешу. На груди в ножнах короткий и крепкий кинжал висит, последний шанс. Им и ударить можно, и даже метнуть его, метать дети вольных его с младенчества учатся. На поясе спереди, наискосок, по-кавалерийски револьвер. И к нему двадцать четыре патрона в самом ремне и еще тридцать в чересседельной сумке. За спиной карабин в чехле, в патронташе

к нему пятьдесят патронов, да еще столько же в запасе. Голову замотал красным шемахом, это уже наш цвет, нашей сотни. Он у каждой свой, в полку шесть сотен всего, а значит, и шесть цветов шемахов на поле видны.

– Ну, присядем на дорожку, – вздохнула жена.

Сели. Даже маленький Дим притих, прижимая к груди кота. Встали. Я семье поклонился, сказал:

– Удачи вам и покоя, пока ждете.

– Дорог тебе бархатом и в бою удачи, – сказала жена.

Лиану с Димом на руках подержал, Арину расцеловал, Олвина по плечу похлопал и на двор пошел.

Оседлал я на этот раз шестилетнего Кузнеца, коня обученного и сильного. Навьючил его сзади сумами переметными, саквой с овсом и сеткой с сеном, пледом и арканом, в кольца свернутым, взобрался в седло, да и повел коня к городку от поднимающегося из-за холмистого степного горизонта красного, словно кровавого, солнца. Тоже ведь примета так себе, такой рассвет.

4

На выгоне было шумно, пыльно и суетно. Сотня собиралась к походу, пушкари впрягли в передки бомбометов коренастых коней, сильных в тяге и выносливых в беге, и теперь батарея уже строилась вдоль дороги, как раз перед обозом из десятка телег, которыми правили все больше старички-ветераны из тех, для кого воевать в седле уже непосильно было.

Сотник, держа в поводу рослого коня соловой масти, стоял у самой стены форта. Рядом с ним в седлах возвышались знаменщик с красным флажком и трубач с маленьким сверкающим горном, висящим на груди. Увидев поднятый флажок, я сразу направил коня к ним, сотник собирал командиров.

– Здравия тебе, мастер сотник! – поприветствовал я его, слезая с коня.

– Здравия, взводный Арвин, – кивнул тот. – Смотри на карту. Полковник сбор полка объявил в Длинной балке, сто верст от нас, завтра к ночи там будем.

– Сами идем или с третьей сотней?

Третья сотня собиралась в следующем городке, до которого от нас двадцать две версты. Случалось нам до места сбора и самим добираться, а случалось и совместным походом.

– С третьей пойдем, – ответил сотник. – Дальше полковник задачу поставит, но так скажу: степняки идут, если верить княжьим людям, вот отсюда, хотят пройти между Хитрой балкой, где черт ногу сломит, и течением Веретенки. Вот в этом месте нас княжье войско будет дожидаться.

– Велико войско-то? – спросил Бэлл, скрестивший могучие ручищи на не менее могучем пузе.

– Драгунский полк подойдет, полк лейб-драгун и три батареи пушек, – ответил сотник.

– Немало, – с удивлением задрал густую черную бровь Бэлл. – Похоже, что княженька и вправду опасается набега, раз такие силы в поход послал.

– Это только там, – усмехнулся Ван. – Еще драгунский полк подходы в эту сторону будет прикрывать, и пехота завтра прибудет. Или набега очень большого ждут, или его высочество решили степняков надолго отвадить.

– А чего вдруг? – поинтересовался я. – Они в последние годы вроде как по-крупному и не баловали, после того, как мы их у Серой балки прижали.

– Не знаю, того мне не ведомо, – ответил сотник. – У полковника спросишь. Ладно, стройте взводы к смотру.

Взводные поскакали к своим местам, на ходу отдавая команды, трубач звонко заиграл сигнал построения. Раздался одновременный топот множества копыт, фыркание, и бесформенная до сего момента куча людей и коней вдруг вытянулась в две шеренги, выровнялась, кони подобрались, ну и я, выпрямившись, занял свое место перед вторым взводом, которым в походе командовал.

– Командиры взводов! К осмотру приступить!

Что у меня в сумках спрятано и на мне висит, то же самое у каждого бойца с собой быть должно. Высокие сапоги с узким голенищем. Серые галифе, изнутри обшитые кожей. Плотная рубаха из серой холстины, а поверх нее парусиновый, с кожей, жилет с подсумками. На плече у меня на этом самом жилете витой алый шнур звания взводного, португепя, патронташ, кобура с револьвером, у седла шашка, всего сто десять патронов к карабину, шестьдесят патронов к револьверу, если больше у кого – не беда, кинжал, плетень витая, ну и всякого походного припасу должно хватать, от овса до мыла. И все это боец должен купить сам, равно как и коня, на котором в поход собирается, и коня этого еще и обучить. Или не быть ему среди вольных, а предложат такому вскоре земли эти покинуть и идти куда глаза глядят, хоть в крепостные в княжество, хоть к свободным городам работу искать, а тут ему не место.

Во взводе кроме меня двадцать четыре человека. Два десятника и четверо звеньевых. Три звена сабельных, а одно – поддержки, у них вместо карабинов гранатометы, похожие на короткие охотничьи ружья с переломными стволами. И у каждого на груди и на поясе по гирлянде толстеньких гранат с хвостами оперения и подсумки с холостыми патронами. Хороший стрелок такой гранатой на триста аршин стрелять может, а кони кочевников, кстати, взрывов пугаются. Артиллерии у тех нет, вот и не умеют приучить взрывов не бояться.

– Десятники, сумки проверить, – скомандовал я уже своим подчиненным.

Одного десятника, длинного, жилистого, одноглазого, звали Пармом в глаза и Циклопом за глаза. Однако его единственного глаза хватало вполне, чтобы замечать любой непорядок в отделении. Второго звали Симером, и был он невысок, кругл, тонок голосом, и борода у него почти не росла, однако переведаться с ним на шашках хоть конному, хоть пешему я бы не пожелал. Мало кто по опыту в нашей сотне мог с ним сравниться, а в скольких он походах участвовал, небось уже и сам счет потерял.

– Первое отделение в порядке, – доложил Парм.

Ну и второе, Симерово, тоже не отстало. И припас, и экипировка, все у всех в порядке было.

– Ковку проверьте еще раз, – добавил я. – У кого конь на походе захромает – на плечах его дальше понесет, а я еще и плетью подгоню.

Передав поводья коня молодому бойцу Барату, я побежал с докладом к сотнику.

– Мастер сотник, второй взвод к походу готов!

– Хорошо, мастер взводный, спасибо, – кивнул сотник Ван. – Идите к людям, выступаем.

Взвод мой сидел в седлах спокойно, все были готовы, выражение лиц даже умиротворенное какое-то, одному мне все как-то нервно было. Горнист сыграл «Внимание!», затем послышался голос Вана.

– Первому взводу выставить головную заставу! Удаление от основных сил – одна верста, удаление до головного дозора – тоже верста. Сотня! Стройся по три! За мной, шагом, марш!

«Маяк», как по уставу звали сотника с «присными», встал во главе колонны, затопали подкованные копыта по высушенной солнцем земле, первый взвод сразу перешел на рысь, стремясь оторваться от основных сил, а я, возглавив взвод, оказался рядом с маяком, то есть сотником с его неизменными спутниками, горнистом, знаменщиком и двумя посыльными. Сзади загрохотали колеса обозла, где-то неожиданно заржал конь, в общем, выступили. На глинобитных стенах форта остались стоять домашние тех, кто жил в городке, и маленький караул на высокой вышке.

Утро наступало жаркое, это чувствовалось сразу. Пока до первого большого привала дойдем, а его планировали устроить у речки Овражки, кони упарятся. А там уже главное не опоить их, не простудить в походе. Конь на самом деле куда нежнее человека и заботы требует больше. Это человеку все равно, где угодно проживет и как угодно.

Над строем гудели тяжелые жирные оводы, от которых лошади отмахивались хвостами, а иногда и самому приходилось отбиваться. Такой укусит в лицо, в ту часть, что шемах открытой оставляет, и на неделю окривеешь.

Ван вытащил большие карманные часы, глянул на них, отодвинув подальше от глаз.

– По плану идем, как раз у Овражки третью сотню встретим.

Длинная змея колонны неторопливо углублялась в выжженную степь.

5

Ночевали в широкой балке с пологими откосами, где был вырыт путевой колодец, как раз для походов. Зажгли костры, один на отделение, кашеварили сами, развесив на треногих таганках закопченные котлы. Затем моему взводу выпала очередь дежурить в сторожевом охранении. Вероятность выхода степняков в это место была невысока, там целое скопление оврагов дальше на запад, не развернуться коннице, но служба есть служба. Выставил посты в версте от основных сил, а дальше послал две сторожевые заставы, оставив при себе лишь неизменного своего помощника Барата.

– Мастер взводный, как думаете, будет война? – спросил он, когда мы с ним отправились посты объезжать.

– Похоже, что будет, – ответил я. – Если из княжества такие силы прислали, то наверняка не впустую прогнать собираются.

– Даже если степняки не сунутся, то сами за ними гоняться будем?

– Вроде того.

Конь подо мной чуть напрягся, неожиданно спугнув из травы заполошно взлетевшую птицу, и я придержал его немного, давая успокоиться.

– Но, но, не балуй, – прошептал я, похлопав Кузнеца по крепкой мускулистой шее. – Пугливым каким стал.

Где-то в отдалении завывли волки, сначала один, потом к нему присоединился второй, третий, а затем и вся стая. Барат вздохнул:

– Дед говорил, когда при походе волки воют, обязательно большая драка будет. Смерть они чувят.

– Ну, это мы посмотрим, – пожал я плечами, хоть и сам такую приметку слышал.

– Стой, кто идет! – окликнули из темноты.

– Значок, – сразу сказал я пароль, чтобы на пулю не нарваться. – Отзывает?

– Скатка.

– Как тут?

– Тихо, мастер взводный, – сказал немолодой бородатый боец, стоящий рядом со своим конем. – Только эти вот развылись.

Он махнул рукой в темноту, туда, откуда доносился волчий хор.

– Ладно, повоюют и перестанут. А вообще повнимательней, мало ли что.

Заставу обнаружили в темноте тоже не сразу, точнее даже, они нас первыми засекали.

Циклоп подъехал ко мне ближе, доложил:

– Тихо все, никого.

– Ну и хорошо, что никого, но все равно внимательно.

Через три часа моих в охранении сменил третий взвод, а мои бойцы, быстро расседлав коней, вповалку повалились на пледы у угасающих костров.

6

К вечеру второго дня похода, пройдя больше ста верст, явились на пункт сбора полка. В лагере было многолюдно, шумно, бомбометы собирались в отдельный эскадрон, объединялся обоз, в общем, полк обретал цельность. Полковник со штабом укрылись в белых палатках, раскинутых на вершине небольшого холма. Кроме бойцов из вольных, в лагере заметны были княжеские военные. Форму лейб-драгунского полка «Синих Соколов» ни с чьей иной не спутаешь, кроме них, каски из синей кожи с золотым гербом больше никто не носил. Всерьез князь за дело взялся, лучшие части в бой послал.

– Начальных к полковнику! – крикнул подскакавший от штаба вестовой. – Всех начальных от взводного немедленно к полковнику.

Бросив расседланного коня у коновязи, побежал к сотнику, без него идти даже по приказу к начальству не по чину будет. Там столкнулся с запыхавшимся Толстым Бэллом, бежавшим с противоположной стороны.

– Ну что, мастер сотник, видать, задачу ставить будут? – спросил он у Вана.

– А что же еще? – с иронией ответил тот. – Нет, раздадут всем по плоске патоки да по домам отправят. Пошутили, скажут.

– А что, неплохо бы, – не смутился такой отповедью командир первого взвода.

В огромной штабной палатке места хватило всем, хоть и с некоторым трудом. У дальней ее стены вытянулся длинный стол, за которым сидел сам полковник – среднего роста сухощавый человек с золотым шнуром на правом плече жилета и в шемахе с золотой каймой, сейчас откинутом за плечи. Рядом с ним пристроился уже знакомый первый сотник, тот самый, что приезжал в городок. У них за спинами висела огромная карта, разрисованная цветной тушью.

– Господа вольный люд! – поднялся полковник. – Я собрал вас для того, чтобы довести обстановку, которая нам пока известна больше из доклада первого сотника Фарина.

– За сведения ручаемся, – вставил тот слово, но полковник не обратил на это внимания.

– Пока известно то, что два табора степняков подошли вот сюда, к устью Хитрой балки, и встали. Пришли уже без телег, то есть похоже, что готовы к бою. И заводных коней уже отдали.

– Похоже, – пробормотал тихо Ван.

Степняк без заводного коня не степняк, но в драке тот помеха, так что перед набегом они всегда заводных коноводам отдают, оставаясь при одном коне. Если степняк так сделал, то жди беды.

– По слухам, еще два или три табора придут им на подмогу. Вот отсюда, вдоль реки.

Полковник вместо указки использовал кривоватую ветку с куста, которой и провел с шушанием по большому бумажному листу.

– Когда они соединятся, их здесь станет не меньше пяти тысяч. Большая сила.

Это тоже верно, в нашем полку всего шестьсот сабель, а с усилением от князя дай боги чтобы пара тысяч нас набралась.

– Второй полк при поддержке княжьей пехоты обеспечивает нас с севера, вот отсюда, – продолжал командир. – Пехота займет рубеж между Веретенкой и балкой, у развалин, а полк вольных должен будет ударить противнику во фланг и тыл, вот отсюда, – потыкал он в карту веткой. – Наша же задача – выманить два первых табора противника на основные силы, которые представлены лейб-драгунским полком и драгунским, где и нанести им поражение. До подхода подкреплений.

– Дополнительная артиллерия придана, – добавил к сказанному первый сотник. – Целых три батареи.

Это неплохо, у кочевников пушек нет и никогда не было. В полках вольных только бомбометы, а они не всегда хороши, их достоинство в том, что дешевы и легки. А многочислен-

ная княжеская артиллерия шрапнелью вполне может боевые порядки противника расстроить, помощь это серьезная. Только что ж у меня на душе все так же мерзко, как и раньше? Вот этого я никак не пойму.

– Сотник Ван, мастер, – обратился полковник к нашему старосте. – Вашей сотне обеспечить разведку позиций противника. И ваша же сотня пойдет головным отрядом полка. Вопросы?

– Никак нет, мастер полковник! – вытянулся Ван.

– Полк займет позиции по рубежу: развалины – устье Сухого ручья – верх балки. Тут противнику в конном бою не развернуться, а нам пространства для маневра хватит. Ударим лавами и сразу отход.

Полковник глянул на Вана внимательно, добавил:

– Вы после отхода заходите в тыл полка и на маяк резервом стройтесь, чтобы боевые порядки с ходу не нарушать.

– Так точно.

План боя выглядел толково. Тут и три батареи наших бомбометов перекрывали своим огнем весь фронт атаки противника, при этом оставаясь в относительной безопасности, и артиллерия могла вступить в дело как раз в нужный момент, и спешенные драгуны занимали вторую линию обороны в тылу полка вольных, и лейб-драгунский полк, постепенно выкатываясь из-за наших порядков, совершал охват к тому времени уже деморализованного противника – степняки, отличавшиеся редкой горячностью в бою, никогда не были бойцами стойкими. Наскок, удар, отход, а при столкновении с грамотной обороной так и паническое бегство.

Случись же подойти трем таборам подкреплений, второй полк вольных вполне мог связать их боем и навести на оборонительный рубеж пехоты, которая к тому времени закопается по самые уши в сухую степную землю, к тому же она будет поддержана немалым количеством как пушек, так и бомбометов, а они в бою оборонительном очень хороши.

– Гладко-то все как, если на карте, – пробормотал я, глядя на все эти синие и красные стрелки, овалы, квадратики и каллиграфически четкие надписи.

– Да вроде толковый план, – пожал плечами Бэлл.

– Толковый, вот это и мучает, – честно сказал я. – Никогда такого не было, чтобы князь разведка о набеге раньше нас узнала. Не помню такого.

– Ну и я не помню, – согласился он. – Но у князя, Орбея нашего, деньжата водятся, кто мог и продать план набега.

– Мог, – согласился я. – Но только когда степняки место сбора так близко устраивали? Они обычно большой ордой шли, а уже потом делились, а тут все наоборот.

– Это верно, – согласился уже Бэлл. – Но и такой большой толпой они тоже не ходили раньше. Сам знаешь, какие у них отношения там, каждый вождь другому готов в глотку вцепиться, странно, что они до пяти таборов вообще смогли договориться.

– Тоже верно, – поморщился я. – Но все же, не могу объяснить, но какую-то гниль в этом всем чувствую. И это мне совсем не нравится.

– Мастера взводные, хватит языком трепать, пошли к сотне, – прервал наши размышления Ван. – С рассветом надо выступить, а до того времени план отработать так, чтобы ни одного камешка в подковы не попало. Если на нас разведка и начало боя, то от нас же, считай, все и зависит. Провалим – все без толку будет.

– Знать бы, что на самом деле происходит, – пробурчал я, но так тихо, что никто меня и не услышал.

Сотня занималась лошадьми. Кто сеном обтирал, кто скребницами, кто подковы проверял, выковыривая стальным крючком попавшие в борозды копыт мелкие камешки, в общем, шла нормальная кавалерийская служба. Это пехотинцу хорошо, он каши с мясом поел и на боковую, если не в наряде, а всадник сперва коня своего обиходить должен, чтобы в бою не

подвел, чтобы довез куда надо, да и просто для того, чтобы хозяину верил и с ним дружил. Не будет веры, не будут понимать друг друга, и закончится в каком-нибудь бою все плохо.

Мое положение взводного помогало в одном – моим конем Барат занимался, который вроде как при мне за вестового. Я только работу его проверил, проведя по гнедому боку Кузнеца против шерсти и глянув на пальцы. Если пыли на них нет, то вычищен конь хорошо. Но Барат коней любил, к нему доверие полное. Да и кто из вольных коней не любит? Они наша сила и наша опора. Даже доход наш в них, потому что у нас или скот, или коней разводят и с того живут.

Кузнец этот самый уже и породы нашей, которая так и зовется «Вольная». Скрестились в нем крови степных коренастых выносливых лошадей, способных быстрым шагом пройти сто верст без всякого утомления, и горских легких и сухоногих, быстрых в беге и легко прыгающих через препятствия, проворных, как ласточки. Вольная же порода как раз посередине между ними встала. Наши сильные горбоносые кони способны и долго скакать со всадником на спине, и скоростью степных лошадей превосходят, и выше заметно, что в сабельной рубке тоже важно. Вольный конь строю учен, умеет бить грудью и копытами, и умеет под стрелком, в стременах поднявшимся, замереть. Учим мы своих коней по команде ложиться и на свист к хозяину бежать, а иной конь и без батовки умеет дожидаться спешившегося хозяина даже посреди боя.

Оттого наших коней и ценят во всех кавалерийских частях. И в Валашском княжестве, и в Имирском, и в Лоре, разве что купцы из Свободных городов, которым конь нужен для блеску и важности, никогда нашу породу не покупают – наши кони боевые. И на любого коня, что мы с сыном вырастили, как он четырех лет достигнет, уже и покупатель готов, а подчас и не один, а с торгом.

Подхватив с земли седло, я подтащил его к костру, вокруг которого устраивались взводные и главный канонир. Сотник Ван разворачивал карту.

– Мастер Арвин, – обратился он ко мне. – Сюда вот смотри. Думаю твой взвод послать передовой заставой. Двинем сперва вот так, вдоль реки, она нас как раз с левого фланга прикроет. Обойдем развалины вот так, по кругу, и выйдем как раз к излучине Веретенки. Дальше холмы и балка.

– За балкой их заставы могут быть, – сразу сказал я.

Степняки лагерем всегда опасно стоят, разъезды кругом рассылают с подвижными заставами. Скрытно к ним сурок степной не подкрадется, не то что эскадрон.

– Заставы и будут, – согласился Ван. – Но они ждут нас вот отсюда, скорее всего, они ведь главные силы наши тоже обнаружили. А мы выйдем почти что сзади, поэтому заставы сможем сбить с ходу.

– Как бы кони силы не потеряли, – задумчиво сказал взводный Пейер, теребя бороду. – От застав до главных сил версты три или четыре у степняков всегда. Пока сбивать будем, коней придется в карьер пускать, устанут. Дальше все равно галопом...

– Заставы надо попытаться огнем сбить, – сказал сотник. – Нам коней томить нельзя, им потом мимо всего табора скакать, так что лучших стрелков вперед. И подойти надо скрытно насколько возможно.

– Все равно тревогу подымут, – пожал плечами Пейер.

– Подымут, как не поднять, – согласился Ван. – Но ведь пока они силы наши не определят, то сперва в оборону станут, так?

– Так, верно, – кивнул взводный.

– А мы в драку не полезем. На малые лавы разобьемся, атакуем крайних, обстреляем, да и бежать.

– А не догадаются? – усомнился Бэлл.

– Не должны, – возразил ему взводный Абель. – Кочевники горячие, с дисциплиной у них всегда проблема. Самые молодцы в погоню кинутся, за ними и остальные втянутся.

– Тоже так думаю, – сказал сотник. – И мы вот сюда, на край излучины пойдём, поведем погоню. Как наших встретим, пускаем желтую ракету, а сами обходим порядки по их правому флангу и идем на маяк, где в резерв и строимся. Какие вопросы?

– Если три табора, которых ждут, подойти успеют, какой сигнал будет?

– Там разведка, жди больших красных ракет.

7

– Взво-од! Справа по два, в колонну, рысью – марш! – заорал я команду, дав шенкеля Кузнецу.

Слегка всхрапнув, застоявшийся конь бодро рванул с места, за ним, разбиваясь на пары из развернутого строя, поскакали бойцы взвода.

– Первое звено, в передовой дозор, второе звено в головные боковые! – скомандовал я уже на ходу.

Когда наш взвод оторвался от сотни примерно на версту, основные силы шагом тронулись за нами, ну и мы коней придержали, чтобы не отрываться. Нам их силы беречь надо, еще бой впереди. Путь наш лежал прямо по степи, без всяких дорог, над крутым берегом Веретенки, быстрой речки шириной в полсотни сажений, которая и поила своей водой землю на много верст окрест. Именно от нее питались всходящие здесь травы, на которых так хорошо было пасти скот, и как раз в этом месте сталкивались интересы степняков и вольных: непонятно чья земля, ни сама река, извилистая и загогулистая, ни многочисленные разветвленные балки не давали точной границы. Так что... всякое уже случалось в этих местах.

– Барат, все время рядом держись, – сказал я вестовому.

Он и по уставу возле меня должен быть, да и мне спокойней, это его первый серьезный бой, лучше приглядеть за бойцом. С отцом его мы граничим землями с востока, Барат-старый сам в свое время во много походов ходил и во многих боях рубился, даже левую руку потерял, а вот с сыновьями ему боги не слишком способствовали – только Барат-младший и вырос. А дома его три сестры ждали, да еще две уже замужем были, отдельно от родителей жили, с мужьями. Так что за единственного сына старого воина я себя вроде как в ответе чувствовал.

А вообще жизнь у нас тут такая, на границе Великой Степи, что смертью никого не удивишь и не напугаешь. Наша воля кровью нашей же оплачивается. Из тех бойцов, что в шестнадцать лет впервые в строевое седло садятся, до сорока пяти, когда пора уже в обоз переходить или в фортах-городках службу нести, хорошо если половина доживает. Зато уж те, кто доживает, к зрелым годам бойцами на диво становятся.

Из-за того, что сотня шла прямо по травам, пыли было немного, а то нас бы издалека засекли, никакой скрытности и в помине бы не было. Шли экономно, десять минут шагом, пять минут рысью, делая таким образом за час восемь верст. Через два часа объявили привал десятиминутный, затем снова пошли дальше в прежнем темпе. Еще через два часа достигли развалин. Древний город когда-то стоял на берегу Веретенки, от него остались источенные ветрами и непогодой камни, с потеками ржавого железа на них. Как этот город погиб, никто не знал, не было здесь ни оплавленных камней, ни кратеров, как у других бывает. Может быть, потом опустел, уже в Темное Время. Все, что было в городе ценного, вроде хорошего железа, давно уже вывезли и переплавили, поэтому сейчас развалины давали приют разве что мелкому зверью, ящерицам и птицам. А еще за ними можно было укрыться.

Едва мы втянулись за плоские развалины, заросшие бурьяном и больше похожие уже на беспорядочно скопившиеся в этом месте плоские холмики, как я дал команду спешиваться и взять лошадей в повод. А еще через версту уже пешего похода объявил большой привал.

– Дальше спуск к реке будет, там лошадей напоим, – сказал я звеньевым. – Но если кто коня не удержит и даст тому опиться, своей рукой зарублю. У нас бой впереди.

Привал тоже прошел спокойно, ни разездов вражеских, ни застав не видели. Загнав коней по колени в воду, напоили слегка, с трудом отрывая их от воды, погнали дальше. Дать напиться вволю нельзя, отяжелеет конь или простудится. Вновь наш взвод оторвался от сотни, пошел вперед, выбросив щупальца передовых дозоров. И вскоре одно такое наконец нашу-

пало врага, когда мы шли по дну пологой и широкой балки. Показался всадник, скачущий навстречу, и я, понимая, для чего он несется к нам, скомандовал:

– Взво-од, стой!

Он осадил коня на задние ноги прямо передо мной со всей доступной лихостью. Из молодых боец, покрасоваться ему перед боем охота. А его сразу и не узнал из-за намотанного по самые глаза шемаха.

– Мастер взводный, разъезд степняков в поле. Стоят верхами, нас пока не видели, – быстро доложил он.

– Барат, с докладом к сотнику, быстро! – отправил я вестового, а сам командовал: – Веди. Все по плану пока.

– От балки до разъезда сколько?

– Шагов пятьсот, – сказал он. – Нас пока не обнаружили.

– Уверен?

– Так точно, мастер взводный!

– Это хорошо, хотелось бы.

Несмотря на поднимающуюся где-то в глубине волну возбуждения, повел дальше взвод шагом. Нечего топтать и пыль поднимать, нам нужно сразу всем, причем неожиданно, суметь выйти на дистанцию залпа. Вольные – конные стрелки, и лишь потом рубаки, пятьсот шагов дистанция такая, что можно успеть и весь разъезд противника из седел выбить.

Карабины у всех сегодня расчехлены, все готовы. Стелется густая трава низины под копыта коней, неторопливо по ней идущих. И даже сами кони вроде как тише вести себя стали, словно чувствуют, что вот-вот начнется.

– Тут, мастер взводный.

Действительно, на склоне оврага увидел стоящих на колене бойцов, другие держали в поводу их коней.

– Там они все, – доложил Симер, нехорошо улыбаясь.

– По коням! Взвод, налево в линию! Сомкнуться! Винтовки к бою! Пятьсот шагов дистанция, огонь по сигналу! Шагом марш!

Двадцать пять коней дружно, шаг в шаг, пошли вверх по склону. Двадцать пять затворов клацнули, загоня желтые длинные патроны в казенники. Двадцать пять пар рук вскинули оружие разом, откинули рамки прицелов, выставляя дистанцию стрельбы. Мы не пехота княжеская, залпами в белый свет как в копеечку не стреляем, каждый выцелит своего врага, разобрав цели по звеньям и строю, никому ничего объяснять не надо.

Степной разъезд, восемь верховых, никак не ожидал нашего появления. Прошляпили. Загрохотали вперегонки карабины вольных, сразу четверо степняков вылетели из седел, под одним завалился конь, и всадник задергался, пытаясь успеть выдернуть ногу из стремени, а еще трое, горяча и поднимая коней на дыбы, разворачивали их, но поздно, весь огонь взвода перенесся на них, не уйти. Одного сразу из седла выбило, а двух других чуть погодя, полсотни шагов даже проскакать не успели.

А сзади уже на легкой рыси накатывала вся сотня, и сотник командовал:

– Первый, второй и третий взвода – в лаву, рысью, марш! Четвертый взвод в линию, в резерв! Вперед! Винтовки к бою!

Шеренга за шеренгой выскакивала из балки, рассыпаясь в лаву, легкий и подвижный строй вольных, дающий возможность каждому и стрелять, и рубить. Застонала степь под ударами копыт, сотня пошла на сближение с противником, который виднелся вдалеке, верстах в трех от нас. А там уже начиналась суета, враг к бою готовился.

– Сотня, на дистанцию огня, стрельба пятью патронами! – заорал Ван так, что его бы даже мертвый услышал.

Это тоже наша тактика, степняки так не делают. У них и винтовки все больше однозарядные, и стреляют с седла они хуже. Они сразу в пики атакуют и стараются в рубку бой перевести, а мы пытаемся сперва проредить их по возможности.

Ближе и ближе противник, видно, что не успели они в полноценные боевые порядки построиться, суеты много. Верста до них, не больше, а вот и половина уже, уже можно различать отдельных противников и даже их лица.

– Осади! Огонь!

Вся сотенная лава разом осадила коней. Кузнец, зная, что будет дальше, замер медной статуей, давая мне опору, а сам я поднялся в стременах, прижимая колени к бокам коня. Вот один, в яркой рубахе, с пикой, на которой конский хвост развеивается, что-то кричит, командует. Грохнула винтовка, тяжелая пуля по плавной дуге настигла противника, ударила его в середину груди, завалив назад. Строй сотни окутался прозрачным синим дымом, трещали винтовки, сотни пуль градом сыпанули по противнику.

– Гранатометы! Огонь!

Добрых полтора десятка гранат сорвались со стволов, выбитые холостыми зарядами, и понеслись к порядкам противника, рванули облаками пироксилинового дыма, сыпанули осколками, внося еще большую сумятицу.

– Сотня, в атаку, марш-марш!

А теперь кто как. Степняки отдельными группками смельчаков уже вырывались из строя, неслись к нам с места в карьер, наклоня пики. Закинув винтовку за плечо, я рванул из кобуры револьвер, направляя его вперед. Нет, до пик у нас с вами, братцы, не дойдет, у нас привычки другие.

Дав Кузнецу упор в повод, привстал на стременах, выискивая цель длинным стволом револьвера, чувствуя, как дикий восторг конной атаки, встречного боя, захлестывает меня с головой. Какой тут страх, какие тревоги, когда вот он враг, когда послушен конь, когда тверда рука. А смерть, что смерть? Все там будем, Брат с Сестрой ждут честно павших.

Поймал кого-то в прицел, выстрелил, затем пальнул, не имея возможности попасть в укрывшегося за шеей всадника, в лошадь, которая споткнулась и перевернулась через голову, подминая седока, еще в кого-то, еще, увернулся от пики, почти свесившись с седла, успел пустить пулю в спину проскочившему мимо меня немолодому всаднику в рваном зипуне и войлочной шапке. Упал, наткнувшись на острие, боец рядом со мной, споткнулась лошадь под еще одним убитым вольным, опрокинутая натянутым мертвой уже рукой поводом.

Убеждаясь, что в барабане пусто, щелкнул курком по пустой каморе, вбросил револьвер в кобуру, рванул шашку, сразу отбивом направо отразив сверкнувший язык кривой сабли, Кузнец грудью ударил каракового степного коня, тесня и мешая всаднику, и я, на стременах поднявшись, достал того уколом в шею, окровавив войлочный жилет.

Крик, вой, гиканье, ляг железа вокруг, спины степняков, мелькающие впереди. Опрокинули! Опрокинули! Восторг! Атака! Победа! Не успели они порядки сбить, удар наш встретить. Стриженный затылок передо мной, шапка потеряна, левое плечо в крови, крепкий блестящий круп коня над мелькающими копытами. От плеча направо шашкой, с оттягом, раз! «Ха-ха!» Хряск перерубленных костей услышал даже сквозь конский топот. Вперед! Всех их...!

Звонкий голос горна прорвался к сознанию. «Отход! Отход! Отход!» – трубил горнист, призывая разогнавшуюся в атаке сотню вернуться, сбиться у маяка, у сотенного флага.

– Взвод, осади! На маяк галопом марш! – крикнул я ненужную, никому не слышную команду.

Но все и так знали, что делать, все вольные строю и бою с детства учены. Разворачивая разгоряченных коней, галопом повели их к флажку, туда, где четвертый взвод развернулся в линию, готовый прикрыть наш отход. Я оглядел взвод, так и идущий в строю, не распавшийся.

Было двадцать пять, а осталось семнадцать. Пусть взяли победу, но кровью заплатили. Десятники оба живы, это хорошо, в них половина моей силы.

– Сотня, в линию повзводно, второй взвод в арьергарде, направление на двойной холм, рысью марш!

Опять мы в прикрытии, любит наш взвод Ван. То первыми скакали, теперь последними.

– Взвод, на меня сомкнись! В линию!

Пока наше дело не биться, а отходить, сомкнутым строем командовать легче. Оглянулся на противника, который, сбитый нашей атакой с толку, смешавший ряды из-за того, что бегущие врезались в их порядки, снова развернулся. Много их, очень много, линия уже в полк вытянулась, а сзади в нее вливаются все новые и новые группы всадников. Пестрая толпа степняков выглядела немалой силой.

– Взвод, за флагом галопом – марш! – крикнул я, взмахнув шашкой и сразу вбросив ее в ножны.

А пальцы уже сами нащупывали патроны на поясе, вталкивали их в каморы опустевшего барабана. Когда-то отец меня целыми днями вольтами на норовистом коньке гонял, заставляя на ходу оружие перезаряжать. В этом сила, в этом наше умение.

За идущей галопом сотней пыль столбом, легкий ветер несет ее нам навстречу. В степи всегда пыль, а на войне так и вовсе вдвойне. Оглянулся, а порядки врага уже пошли следом, пока еще тоже на рысях, не набрав полноценного замаха, лишь отдельные смельчаки, как всегда, вырвались вперед, ища боя и одиночной схватки. Никто не даст им схватки, не в этом наша сила, пусть когда табор на табор режутся, тогда красуются перед загорелыми степными девками, с десятком кос каждая. А хороши их девки, кстати, такие красавицы попадаются!

Хорошо идет сотня, дружно, как единый организм. Наш арьергард как привязанный, ни на шаг ближе и ни на шаг не отстает. Дружно грохочут копыта по траве, стонет земля, молча скачут бойцы, и лишь сзади свист и гиканье степняков доносится.

– Наши! – крикнул Циклоп, указав плетью вперед.

И точно, впереди уже развернулся полк, все пять сотен вольных бойцов, в стройных порядках, знамя вьется за ними. Это степняков не остановит, они не из трусливых, но так и задумано. Полк – это только начало, ждут канониры у пушек и бомбометов, ждут лейб-драгуны в балке в тылу, заняли позиции драгуны. Все по плану идет, чего я боялся вчера, не пойму даже?

– Галопом – марш! – послышалась команда, и повторил ее горн.

Сейчас и степняки разгонятся, готовясь к удару, вот и нам надо торопиться, чтобы успеть обогнуть строй полка, зайти ему в тыл без степняков на хвосте.

В небо по крутым дугам поднялись бомбы, оставляя за собой бледные пороховые следы, понеслись куда-то нам в тыл, чтобы взорваться в порядках наступающего врага, внести сумятицу. Три бомбы, еще три. Одиночный увернуться даже сумеет, а конный строй – нет, даже если видят степняки опасность, а деваться все равно некуда. И строй у них пока слишком плотный.

«Синие Соколы» показались из-за левого фланга полка вольных, уже на рысях, и вдруг...

– Мастер взводный! – заорал Циклоп. – Это что они делают, демоны!

– Предательство! – заорал кто-то во взводном строю. – Измена! Княжки твари!

Лейб-драгуны с ходу открыли огонь по строю нашего полка, с тылу, почти в упор, из всего, что могло стрелять. А сзади, на вершине холма, показался второй, уже драгунский строй, сразу окутавшийся дымками. Они даже не спешили по драгунскому уставу, а, как лейб-драгуны, с седла пальбу начали. Свалилось полковое знамя, видно было, как синие каски рубят саблями штаб полка. Рванули прямо на батарею снаряды, опрокидывая бомбометы и смешивая их с землей, а к прислуге уже несли эскадрон все тех же лейб-драгун, размахивая саблями.

– «Сбор на флаг! Сбор на флаг!» – запела отчаянно труба.

На ходу смыкая ряды, сотня сбилась в единый кулак, и Ван, обернув ко мне безумное лицо, крикнул:

– Арвин, что делать будем? Предлагай!

– Своим на выручку! – крикнул Абель. – Погибать – так с честью!

– Направлением на батарею и прорубаться! – перебил его я. – Полк уже погиб, его в кольцо взяли, а степняки до последнего человека добьют.

– Степняки? – обескураженно переспросил кто-то.

– Не видишь, что ли? – выверился Ван, аж замахнувшись на неразумного плетью, зажатой в побелевшем кулаке. – Они же с самого начала в сговоре. Вольных истребить решили. Не прорвемся к городку и семьям – всем хана, нет нашего народа больше.

– Ой, и верно...

Даже сквозь пыль и загар было видно, как Абель побледнел. Он тоже семейный, два сына в городке службу нести остались, и две дочери с матерью.

– Сотня! – снова забрал в свои руки власть Ван. – Направление на батарею, в лаву, полевым галопом, марш!

Эх, не подводите, кони, держитесь сколько можете! Нет у нас выбора, лейб-драгуны уже прислугу батарейную изрубили, но еще суетятся, не встали в боевые порядки, это наш шанс единственный. Нас сотня, их эскадрон, почти равны силы, а нам деваться некуда. Впереди гибнет на глазах полк, отдельные всадники пытаются убежать, но мало их, очень мало. Сзади на все узкое поле развернулась лавина степной конницы. Вот почему они на галоп до сих пор не перешли – спешить им было некуда, не хотят лишние потери нести. Сговорились они с князьенкой нашим, Их Подлостью Орбелем Вторым. Вот на что тот решился – извести нас под корень.

– К броду, на винтовки не отвлекаться, атакуем с ходу! – крикнул Ван.

Каждая задержка нам во вред, ударят с тыла, зажмут с флангов – и все. Один у нас выход, с ходу прорубаться. С револьверов на шашки, и уходить из этого гиблого места.

Вода, кони, поднимая тучи брызг, вломились в нее, проскакали по броду, высоко поднимая ноги, вынесли на пологий в этом месте берег, к уже сбившемуся в строй лейб-драгунскому эскадрону. Серые мундиры, синие каски, в руках револьверы. Офицер взмахнул саблей, заорал что-то, и как серой дымной полосой прохлестнуло их строй. Залп! И частая пальба. Брызнуло мне в лицо чьей-то кровью, заржала раненая лошадь, выпали из седел убитые и раненые, а наш строй ударил в ответ, сразу же, не успели лейб-драгуны второй раз на спуск нажать.

Загрохотали наши револьверы, потянулся дым над строем сотни, посыпались и лейб-драгуны в первом ряду из седел, сбился их порядок. И по людям и по коням стреляем, чтобы больше сумятицы внести, уже куда попадет. Грохнули в их порядках гранаты, ну и нашим тоже досталось, и враг не промахнулся. Выпал из седла Циклоп, схватившись за окровавленное лицо. Споткнулась слева чья-то серая лошадь, забилась на земле.

Уже привычно ствол в кобуру, шашку из ножен вон. Серый мундир впереди, лицо молодое под синей каской с золотым гербом, испуганное. Вскинул саблю, отбивая мой удар, да рано вскинул, обманул я его. Подрубил шашкой локоть и уже на проезде рубанул назад, уже безоружного, по шее.

Сбились все в кучи, лязг, ржание, храп коней. Кузнец прямо тараном грудью идет, я едва отмахиваться успеваю. Запах крови и пыли над полем, хлопают револьверные выстрелы. Впереди десятник драгунский, на стремях привстал, глаза сужены, сабля на отлете. Ловко рубанул-полоснул меня почти по самой груди, под руку, едва успел кисть с шашкой развернуть, изменить, перенаправить удар немного. Но все равно чиркнуло лезвием, перерезало ремни, чуть патронташ не свалился. Кони сбились тесно, даже для размаха места не осталось, но вновь навалился Кузнец, столкнул врага, и я рукоятью заехал потерявшему стремя сержанту в пере-

носицу, сбивая того с седла и завершая дело сильным толчком. Просто упади, авось под копыта попадешь.

Крик и брань, суматоха, строй развалился. Еще лейб-драгун впереди, не успел подхватиться, попал под разлет шашки, вывалился из седла, ткнувшись головой вперед, поволокся в стремени за испуганным конем. Кто-то слева на меня, и сразу упал навзничь, срубленный кем-то, Баратом, кажется, тот слева от меня держался и во все стороны шашкой пластал.

Меньше и меньше лейб-драгун вокруг, но и вольных тоже меньше. Совсем мало. Сотник крикнул:

– На меня сомкнуться! За мной!

Прорубились. Лейб-драгунский эскадрон лег весь, до последнего человека. Не выдержали напора, смелых мы выбили, а духом слабые бежать бросились, и их уже на ходу достреляли. А сзади, к броду, уже накатывала лава степняков. Нет, не удержаться, не отбиться нам, только уходить на усталых конях.

Ван в седле еле держится, на плече след сабельного удара, в груди дыра от пули, изо рта кровь ручьем. Как вообще еще дышит – непонятно, такой вот у нас крепкий сотник. Из командиров один я живой, все полегли. И Абель пал, и Толстый Бэлл с сыновьями. И осталось нас два десятка, из них половина раненых.

– Арвин, веди людей к городку, – прохрипел Ван. – Я не жилец, помру в любой момент. Доведи и спаси наших, одного прошу. Обещай.

– Клянусь душой и посмертием, – сказал я, сотворив знак Брата и Сестры.

– Веди. А я... сколько успею, – сказал он и развернул коня навстречу преследователям.

– Сотня, за мной! – крикнул я.

Барат уцелел, шашка в крови, на руке порез длинный, но живой и ранение не тяжелое. Еще из моего взвода только гранатометчик живой, Бер, на нем вообще ни царапины, словно не прорывался только что в смертном бою через вражеские порядки. Остальные все из других взводов, кто откуда.

8

Нас почти не преследовали. Что такое два десятка усталых и израненных людей на фоне такой великой победы, когда навсегда уничтожены были главные силы народа вольных? Надо ли верить в то, что Второй полк уцелел? И степнякам лагерь грабить хотелось, трупы раздевать, а не за нами гоняться. Проскакали от места боя с лейб-драгунами с версту всего, не больше, да и развернулись назад.

Мы вскоре перешли на шаг. Удалось отловить коней, и из-под вольных и лейб-драгунских, взять в повод. Потом привал объявил, кони уже сами на шаг сбивались, да и тот спотыкающийся.

– Коней обиходить. Раненым помочь. Оружие к бою приготовить, боезапас из сумок пополнить, – скомандовал я.

Кони наши, кони. Сколько они сегодня вынесли. Вынесли, и нас спасли. Хоть и спешим мы дальше, но гнать их уже нельзя. Конь слабее человека, столько не выдержит, ему отдых нужен. А отдохнув, тебе за это оплатит службой.

– Мастер взводный, что же это такое?

У Барата слезы в глазах. Не его уму, которому от роду семнадцать лет, такую бездну подлости враз постигнуть. Для этого старше надо быть, насмотреться на людей побольше, особенно на тех, кто при власти и богатстве. Тогда и удивляться разучишься. Не зря ведь я с первого момента подлость какую-то подозревал, все она мне покою не давала.

– Что, спрашиваешь? – обернулся я к нему. – Князь со степняками спелся, нас истребить решил. Поперек горла мы ему были со всеми нашими вольностями.

– А как же он со степняками теперь?

– А он дурак, – категорически ответил я. – Ему злоба глаза застит, ничего дальше этого не видит. Вожди степные, небось, наобещали ему чего-то, на идолах поклялись, вот он и думает, что теперь все хорошо будет. А не будет.

– А мы как? – растерянно спросил он.

– А мы – как выйдет. До городка дойти надо, семьи забрать. А потом... потом видно будет.

– Потом другую землю искать надо будет, – сказал кто-то из бойцов, пожилой, уже почти обозного возраста. – Земли много, найдем свободную.

– Земли много, да воды мало, – буркнул кто-то в ответ.

Обихаживал Кузнеця долго, со старанием. Обтер, вычистил, осмотрел, не набилась ли холка, не потеряла ли подруга. Размял сухожилия на могучих ногах, подчистил копыта. Благодарил тем самым за службу и дружбу. Затем взялся за трофейную лейб-драгунскую лошадь. Пойдет со мной за заводную. Лошадь молодая, только в служебный возраст вошла, серая в яблоках, у «Синих Соколов» только такая масть и была. Породы горской, легче моего Кузнеця, хоть по высоте почти такая же. С прямой головой, острыми ушами, тонкими ногами.

Осмотрел ее, нашел от седла набитость легкую, несильную пока.

– Ничего, – сказал. – Ты с нами в поводу пойдешь, с сумками, заживет. А наезднику твоему я бы по заднице плетью дал бы раз сто, пока не подойдет. Впрочем, он по-любому подойдет, так что теперь все в порядке. Надеюсь, что сам его срубил.

Разбинтовал ноги, осмотрел. Нет, тут все в порядке, видать, из чистого выпендрежа лейб-драгуны их бинтуют, а оно только для манежа и надо или конкурра. Хорошая лошадка, не подведет. Разве что упрямая немного, молодая, но с этим мы справимся.

– Как пойдём, взводный? – подошел ко мне тот самый пожилой боец, что недавно другую землю искать собирался.

– Степью пойдем, восточней, – ответил я. – Дорогу они наверняка перекрыли, так что там не пройти, а степь большая. К Глубокой балке, она нас с запада прикроет, потом на Валовы Холмы двинем. К послезавтрему на месте будем.

– Да, так можно пройти, – согласился он.

Пройти – половина дела. Как там сейчас дела, никому не известно. Городок и в осаде может быть. Совсем плохое вслух предполагать не хотелось, все понимали. Если уж на истребление князь войну начал, да еще и степняков привлек, значит, никакой пощады никому не будет. Сумеют ли наши отбиться? Кто знает. Надежда на то, что главные силы врага на уничтожение наших полков кинули, не до городков им пока было. Зачем спешить, если их судьба все равно решена? Подогнать пушки, да и...

Чувствуя, как волна паники поднимается откуда-то из темной глубины, я вздохнул резко, снова лошадей занялся. Нельзя сейчас себя до срока травить, мне ведь еще бой предстоит наверняка.

Лейб-драгунская сабля была как по нашему, так и по их обыкновению пристегнута к седлу. Когда кавалерист спешивается, его основным оружием карабин становится, и штык-кинжал на него надевается при надобности. Вот и достался мне трофей. Осмотрел ее со всех сторон да и выбросил. Что с ней еще делать? Хоть и неплоха, да не наш фасон у нее, мы к шашкам привычные. В седельных сумках нашлось восемьдесят патронов к карабину, это пригодится. Пусть арсенальные, похуже качеством, чем мои самокрутные, но для обычного боя нормально. Еще припас суточный, сухари и мясо, вино красное во фляге. Вино кислятиной оказалось, но в жару сильную можно в воду добавлять, для этого его лейб-драгуны и возят, собственно говоря.

Из раненых трое оказалось тяжелых. Один так и вовсе скончался вскоре, а двух других решили везти. Остальные были ранены или легко, или терпимо. У себя на груди тоже длинный тонкий разрез обнаружил, от которого вся рубашка кровью пропиталась. Пришлось бинтоваться и переодеваться.

С утра, с самым рассветом, уже пошли дальше. С заводными конями чуть легче стало, груз перераспределился, делали по десяти верст в час. Еще один тяжелораненый скончался, схоронили его на привале, отдав могиле честь шашками. Второй, совсем молодой парень, еще держался, хоть вид был такой, что краше в гроб кладут.

К середине дня вышли к Каменному ручью – удивительно чистой и даже в самую жару не пересыхающей речке, где немного напоили лошадей. Вода была такой студеной, что поить пришлось из брезентовых ведер, накидав в них сена, чтобы не давать пить коням большими глотками – застудим так. Ну и сами ополоснулись, смыли пыль, пот и грязь. Следующий ночлег у нас уже был в Валовых Холмах, по дороге до которых не встретили ни единого человека.

Следующий день принес плохие новости. Подошли к разоренной ферме. Глинобитные стены дома истыканы были пулями возле бойниц, постройки разрушены, все истоптано неподкованными копытами.

– Степняки были, – уверенно сказал пожилой вольный.

– Степняки, – хмуро подтвердил кто-то еще.

В доме была кровь, на полу лежали трупы. Женщина, две девочки постарше, мальчик лет семи. Уже запах появился, вились мухи тучами. Я присел, посмотрел на руку женщины, подняв ее. Следы пороха ни с чем не спутаешь. Затем аккуратно отодвинул рубаху на плече. Так и есть, там тоже синяк.

– Как вольные погибли, отбивались до последнего.

– Детей она сама, – сказал пожилой, тоже поднимаясь с колен. – Не дала увести и надругаться, сама застрелила.

– Тут же заслоны должны были стоять, – растерянно сказал Барат.

– Заслоны? Княжеские, что ли?

– Чья ферма? – спросил я, обведя взглядом бойцов.

– Ирвана, из четвертого взвода. Погиб вчера, со старшим сыном, – ответил коренастый вольный с густой черной бородой.

– Похоронить бы надо, но время терять нельзя, – сказал я. – На сеновал отнесите, огнем почтим.

Когда уходили с фермы, за нами поднимался в небо столб дыма. Разорение и так кругом, не выдаст этот дым нас теперь. Сеновал пылал до неба, похоронив в огне семью вольного, в бою павшую, но в рабство не пошедшую. А мы скакали дальше, то рысью, то шагом, то снова рысью.

9

Еще на одну ферму завернули и нашли следы, что людей свели. Захватили ее неожиданно, не сумели там отбиться или даже в бой вступить. На стене поганый рисунок углем для хозяина, только хозяин покойный уже, тоже в бою пал.

Моя ферма, по ходу следующая, оказалась разорена, но пуста. Видно было, что люди с нее ушли, что подтверждал свежий след колес фургона, когда тот по мокрой глине у колодца проехал. Разорили же степняки, но уже пустую, ограбив подчистую и изгадив все, что можно. В святилище Сестры и Брата чья-то злобная рука конского навоза набросала. Даже так, богов оскорбили.

– Мастер Арвин, живы твои? – робко спросил Барат.

– В городок ушли, как я велел, – пробормотал я. – Толстого Бэлла проверим ферму. Раненого тяжелого оставьте, потом заберем. И кто-то один с ним пускай, из легкораненых. Сотня, вперед.

Мы пока еще сотня, наш флажок с нами, пусть нас и полтора десятка всего. И поэтому командовать я ею буду как сотней. Товарищи наши в бою погибли, как вольным и подобает, никто слабины не дал.

Растянулись в колонну по два, перешли на рысь. Лица у всех бледные, мрачные, в глазах огонь и злоба, руки, что поводья сжимают, аж побелели на костяшках. На ферму ворвались на галопе, даже без разведки уже, и застали такую же картину – семья Толстого Бэлла ушла. Тоже все изгажено и изломано, но люди могли еще живы быть, Бэлл их таким же образом наставлял.

К городу ближе уже с рыси на галоп перешли, неумно утомляя коней. И едва вымахали на увал, как разом закричали в отчаянии. Городка не было, лишь остатки глинобитных стен форта торчали из земли сломанными и сточенными зубами. Следы орудийного огня ни с чем не спутаешь, это не кочевники были. И в доказательство того же – взвод княжьей пехоты на выгоне, у телег, на которые грузили какое-то имущество. Увидев нас, схватились за винтовки, пыхнули первые дымки выстрелов, бесполезно свистнули выпущенные в панике первые пули, потерявшись в пустой степи.

– К бою! В атаку – марш-марш! – заорал я, выхватывая револьвер.

Двести шагов до врага, до тыловых обозников-грабителей в серых мундирах и рыжих кожаных гетрах, суетливо дергающих затворы. Рванули кони в карьер. Близкая пуля рванула шемах на шее, чуть не размотав его, но поздно. Я с ходу всадил пулю в середину лица бледному испуганному стрелку, поднял на дыбы Кузнеца, прикрываясь им, застрелил еще одного, затем конь, рванув вперед, сбил грудью на землю третьего, в которого я всадил две пули, свесившись из седла.

Огляделся. Все. Всех перебили. В глазах пелена красная, руки трясутся от предчувствий. Ни на кого не глядя, дал Кузнецу шенкеля, погнал его в разрушенные ворота форта, но тот остановился, захрапев, испугавшись переломать ноги на обломках. Спрыгнул я с седла, побежал внутрь.

Форт защищался, но не долго. Никто не ждал нападения от княжьих войск, так что едва успели запереться. Ударили по ним артиллерией, ворвалась пехота, расстреляла всех, переколола штыками. Так и лежали люди, где их смерть застала. Кто на стене, кто на пороге дома, кто где.

Своих нашел не сразу, а лишь тогда, когда сознание начало проваливаться в черную яму. Они отбивались дольше других, запершись в кузне, что у дальней стены. Маленькие окошки исклеваны пулями, на полу полно блестящих гильз. Сколько-то продержались. Олвин погиб от пули, ударившей между ключиц. Жену убили несколькими выстрелами, когда уже в дверь ворвались. Рука у нее в следах копоты револьверной, тоже стреляла. Лиану и трехлетнего Дима

закололи штыками. Затем кто-то поднял младшего и прибил его к дверям, пробив длинным стальным штырем горло. Поглумился. Степняки бы всех в рабство свели, а князьи воины... вот так только.

Как хоронил своих, даже вспомнить не могу. Вместе с другими сносили всех убитых в сухой ров, что под самой стеной, с той стороны, где она стоять осталась. Сначала на телеги укладывали, везли, а потом в могилу общую. Кто плакал, кто молчал, четверо ускакали к своим фермам, да так и не вернулись. Не нашли они там никого, наверное.

Потом все резали кинжалами левую ладонь, размазывая кровь по камням, набросанным могильным холмом, клялись отомстить. Потом скакали по следам ушедшего отряда, которые вели на запад, дальше в Степь. Догнали его через сутки, выследили, подошли балкой скрытно, те маршем шли по дороге без всякого тылового охранения.

Затем была атака на пехотную полуроту, с тыла, с гиканьем и свистом, и помню только чьи-то головы под лезвием шашки, испуганные до паники лица солдат, сверкающие штыки, выстрел откуда-то сблизил, и словно удар киркой в ребра, от которого померк свет.

А потом было высокое-высокое небо в степи и спотыкающийся конь подо мной. Открыл я глаза, уставился на сидящую на конском трупе черную птицу. Та смотрела на меня круглым глазом, наклонив набок уродливую голову.

– Ты кто, а? – спросил я сипло, разлепив спекшиеся губы. – Сдох я, думаешь? А вот смотри.

Болтавшаяся на темляке окровавленная шашка не помешала. Отяжелевший от падали стервятник даже крыльями взмахнуть не успел, как тяжелая револьверная пуля вышибла из него облако перьев, сбив с добычи. А затем револьвер выпал из ослабевшей руки, повиснув на длинном ремешке.

– Нет, плохой я, – сказал, закашлявшись. – Ничего в руках не держится.

Конь медленно нес меня дальше в степь. Он не был ранен, повезло, но истомлен до последнего предела сил. А за нами трусила лейб-драгунская серая кобылка, непонятно откуда здесь взявшаяся.

– Стой, – натянул я поводья. – Стой, Кузнец. Некого нам здесь больше бояться.

Полуроту мы вырезали подчистую в нашей бешеной атаке. Никто не ушел, все так и лежали серыми тушами на земле. И наши все пали, до единого. Барата помню, как прикрыл он меня от выстрела собой, завалился назад, а затем я зарубил пехотинца. А как я единственный из боя вышел, того не ведаю. Конь меня вынес.

Спешиться нормально не получилось, свалился, схватившись за бедро и застонав. У меня не только пуля в бок, мне еще и штык в бедро воткнули.

– Ты, Кузнец, отдыхай, ты свое дело сделал, – сказал я коню. – Сейчас я себя немного в кучу соберу, да и поедем с тобой куда-нибудь. И ты с нами, кобыла трофейная, как бы назвать тебя... Голубкой, хочешь? Серая, быстрая. Тебе имя носить недолго, все равно тебя продавать, клеймо на тебе куда как приметное.

Рана в бедре была с виду чистой, штык насквозь не прошел, воткнувшись на ладонь, примерно. Залил ее крепким вином, замотал чистыми бинтами, больше ничего сделать не смогу. Бок же выглядел куда хуже. Пуля в патронташ сперва ударила и от него в ребро, и где она там застряла, не ведает никто. Потроха-то целые, иначе кровью бы истек, но дышать еле-еле могу, и шевелиться с трудом. Как в седло садиться, и не пойму уже. А дальше куда мне?

Закашлялся и заорал от боли в бок. Выругался, сплюнул на землю огромный стусок пыли. Наглотался. Открыв флягу, напился жадно, плеснув туда чуток лейб-драгунского вина, для утоления жажды.

– Нет, сидеть нельзя здесь, слабею, – пробормотал. – Надо куда-то к людям идти, иначе издохну.

«А зачем тебе жить-то?» – спросил вдруг чей-то голос в голове.

– Зачем? – злобно переспросил я, адресуясь к неведомому голосу. – А затем, что пока князюшка Орбель Второй эту землю топчет, я тоже поживу. Мне полусотни пехоты мало для мести, их кровь даже землю на могиле не напитает, не то что жажду мою. Поэтому я выживу. А князь – нет.

«Ну-ну», – хихикнул бредовый голос.

– Отвали, – отмахнулся я.

Попытался замотать себя бинтом по бокам. Когда затягивать начал, аж заорал от боли, но потом вроде как чуть-чуть и полегчало. Поймал за повод Голубку, хрипя и ругаясь, вскарабкался в лейб-драгунское высокое седло. Она вроде взбрыкнуть решила, покрестила задом, заиграла, но я цука ей дал поводом, а в ухо прошептал ласково:

– Тихо, дуреха, тихо. Не потянет Кузнец меня, ты повези чуток.

И выловив из кармана жилета кусок сахара, протянул его на руке вперед. Изогнув шею, Голубка аккуратно взяла угощение с ладони мягкими губами, захрумтела. Кузнец на свист пришел, без затей дал себя за повод взять. Так вот и поедем.

Труднее оказалось оставаться в сознании. Видел вокруг все в полусне, постоянно норovia завалиться на конскую шею. Звон в ушах, круги перед глазами. Потом вдруг кровь носом пошла, да так, что испугался, сумею ли ее вообще остановить. После этого еще слабее стал, память временами отказывать начала. То вроде в одном месте едем, то в другом уже. Опаску совсем потерял, выбрался на проезжую дорогу степную, так по ней и шли шагом. Когда сзади копыта застучали и загремели тележные колеса, даже головы не повернул, все равно уже было. Да и сил отбиваться не осталось, кто бы там меня ни догнал.

– Эй, вольный человек, – слышался немолодой, но зычный голос сзади. – Далеко ли собрался?

Пришлось все же остановиться и лошадь развернуть, раз уж в спину мне никто не выстрелил. За мной стояло с десятков фургонов, запряженных парой лошадей каждый, а за некоторыми из них в поводу шли еще и жеребята. На облучке переднего фургона сидел черноволосый бородатый человек в ярко-красной рубахе, с длинным кинжалом у пояса, а за ним, чуть укрывшись в тени, сидела женщина, тоже темноволосая, с прикрытым наполовину лицом, на которое падали из-под платка седоватые пряди, смотревшая на меня огромными черными глазами.

– А, господа веселый народ, – через силу усмехнулся я, увидев зингар. – По делу я собрался, по делу.

– А остались ли у тебя дела-то, взводный? – спросил зингар с сомнением. – Мы вот по земле вашей проехали, ни одного живого не видели. Да для тебя это и не новость, видать. Примешь помощь, а?

– Что хочешь за нее? – спросил я прямо.

Зингары не злодеи, они меня даже умирающего сейчас грабить не станут, это грех для них смертный, но без своего интереса другим людям помогают редко. Вот и человек в красной рубахе сказал:

– Гнедого отдашь?

И указал на Кузнеца.

– Кобылу отдам, вот эту. – Я похлопал Голубку по шее. – Если лейб-драгунское клеймо с нее сведешь.

– Нам, зингарам, на коне клеймо, что на собаке блоха – на раз куснуть, – засмеялся тот. – А мы к морю собираемся, к Свободным городам. По пути тебе? Если по пути, то ложись в фургон, старика сейчас позовем, он лечить умеет. Договорились на кобылу.

– Вот так, девочка, недолго дружили, – попрощался я с лошадью.

Наемник

1

Шли зингары к морю неторопливо, аж две недели. Посты княжеских солдат, разошедшиеся по земле вольных, останавливали их редко и без особого интереса, больным во втором фургоне интересовались еще меньше. Что с клеймом Голубки сделали, я понятия не имею, но на трофейную кобылку внимания тоже никто не обратил. Зингары, одним словом.

На ночь останавливались на бивак, жгли костры, готовили еду, пели песни. Меня, не лентясь, из фургона выносили, укладывали к огню поближе. Врачевал старик звероватого вида, поивший какими-то травами и подносивший ко мне руки, от чего в теле зажигался светлый и приятный огонь и уходила боль. Боль из ран, а та боль, которая в сердце, становилась все черней и черней, наливаясь гноем прямо в мозг, душа и не давая жить.

Однажды Ар, зингар в красной рубахе, подсел ко мне, лежащему на кошме возле костра, сказал:

– Так нельзя, вольный человек. Я же умею в душах читать, ты ради мести жив остался, а сам себя убиваешь. Так ни мести не исполнишь, ни себе не поможешь.

Я промолчал, стиснув зубы. Он на мою реакцию никакого внимания не обратил, усмехнулся только.

– Забыл, вольный человек, на что мы с тобой договорились? Не только в Свободный город привезти тебя, но и на ноги поставить. А как мы поставим, когда ты себя сам с них сбиваешь. Старый Орби тебя лечит, силой делится, а ты силу эту все на горе свое изводишь. Так ты меня, Красного Ара, болтуном в людских глазах выставишь, пообещал, мол, а не сделал. Ладно, не буду мешать, лежи, думай. На вот, выпей.

Он отстегнул с пояса обшитую кожей флягу, протянул мне. Я отвинтил крышку, нюхнул. Что-то спиртное, с запахом и цветов, и ковыля, и полыни, словно даже степью пахнет.

– Что это?

– Наше, зингарское, чужакам не наливаем обычно, – засмеялся он и добавил: – Травы здесь разные да виноградное вино крепкое. Хлебни от души, хотя бы этим меня порадуешь.

Пожав плечами, приложился к горлышку. Обожгло, словно огнем плеснуло в нутро, но как-то даже приятно стало. Закружилась голова, ярче костер засиял. Словно даже музыка, которую молодой кудлатый гитарист играл у костра, стала звонче и хрустальней.

– Видал? – улыбнулся Ар, забирая флягу. – Иди в фургон спать, вольный, утро вечера мудренее. Потом поговорим.

Мне помогли подняться, подвели к фургону.

– Спи, вольный человек, – шепнул почти в самое ухо женский голос, я так и не понял, чей именно.

Кошма подо мной превратилась в ковер-самолет, но не так, страшновато переворачиваясь, как бывает у впервые напившегося вина юнца, словно норовя его поставить вверх ногами, а словно теряя вес, взлетая над душистой ночной степью, в которой горели зингарские костры и наперебой пели цикады.

Сон

«Ты куда это собрался?» – вдруг спросил ехидный голос в мозгу.

«Уйди, зараза» – отмахнулся я от голоса.

Кошма куда-то летит, темная земля уже совсем далеко внизу. Даже костер виден как крошечная одинокая звезда на бескрайнем черном небе.

«Не бойся, – вдруг сказал голос, любимый и нежный. – Мы с тобой».

– Ты? Здесь?

– А разве здесь плохо? – спросила жена, усаживаясь на траву.

Широкое поле над излучиной чистой реки. Жаворонки в безоблачном небе, и в душистых травах им подпевают кузнечики.

– Дети?

– Вон они, видишь? – указала она нежной загорелой рукой.

Олвин купал Шутника, загнав его по колени в прозрачную воду. Конь шалил, пугался щекотки и все время норовил слегка ущипнуть губами сына, за какую привычку и получил свое прозвище. Лиана с кошкой на руках стояла на берегу, глядя, как возится в чистом речном песке маленький Дим.

– А где мы?

– А ты не догадываешься? – улыбнулась она, сверкнув жемчужными зубами.

– И давно?

Она не ответила на вопрос, чуть приподняв брови. Затем сказала:

– Смотри, что у меня.

На уже расстеленной на траве накидке появилась корзинка, сплетенная из разноцветной лозы, откинулась крышка. Рука жены нырнула внутрь и вытащила оттуда два яблока, чудесных даже с виду, золотисто-красных.

– Хочешь? – спросила она.

– А почему бы и нет? – ответил я, чувствуя, как тепло и хорошо становится на душе.

– Давай руку, – сказала она, и я протянул свою левую, разрезанную наискосок по ладони кинжалом.

– Ой, вот как... – вроде как даже озадачилась она. – Тогда подожди. Ты что мне обещал?

– Когда? – чуть поразился я вопросу. – Я много что обещал тебе в этой жизни.

– Вот глупый! – засмеялась она. – Когда в храме нас мужем и женой объявили! Тогда что обещал? Все остальные обещания ерунда по сравнению с этим.

– Ну как что! – Я даже приподнялся на локте возмущенно. – Любить и беречь.

– До каких пор?

– Пока нас не разлучит смерть.

– Тебя обманули, – сказала она, откусив от яблока и протягивая его другой стороной мне. – Смерть никого не разлучает, если он того не заслуживает. Смерть – это судья справедливый, тот, кого не обманешь. Видишь, и мы остались с тобой.

– Я проснусь? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Но мы-то все равно будем тебя ждать. Здесь времени нет и здесь хорошо. И дети счастливы. Только смотри, не промахнись мимо этого места. Судья не любит нарушенных обещаний, а ты... – она снова взяла меня за надрезанную ладонь, – ты взял еще одно, такое же большое, как то, что сказал тогда в храме. И запечатал своей кровью. Ты понял?

Я лишь молча кивнул, наблюдая, как разрез на руке наливается огнем, словно лава проступает в щели в земле.

– Ты всегда был понятливым, – снова серебристо засмеялась она и вдруг рванула на груди легкое платье, как-то сразу оставшись обнаженной. – Иди ко мне тогда, я ведь так по тебе скучала.

– А дети?

– Здесь высокая-высокая трава, которая скроет все, что ты захочешь скрыть, – улыбнулась она. – Иди ко мне. И поцелуй.

2

Черное небо, одинокая звезда костра, запах травы, другой, не такой, как там, где мы только что с женой любили друг друга, и запах женщины. И голая стройная спина, выбирающаяся из фургона, черные как смоль длинные волосы, рассыпавшиеся по плечам.

– Ты... – растерянно спросил я.

Женщина обернулась, превратившись в красивую девчонку лет восемнадцати, белозубо улыбнулась, сверкнула черными как угли глазами, хихикнула и сказала, сделав странный жест рукой:

– Спи, вольный!

И я уснул, мгновенно, без сновидений, успокоенный и уверенный в том, что мне надо делать. А проснувшись поутру, нашел у себя в руке красно-золотое яблоко, правда, не надкушенное.

– Второе? – спросил я себя с недоумением.

Надкусил его и удивился, что даже яблоко пахнет степными травами. И съел его без остатка.

3

Утром я понял, что пошел на поправку. Черный гной боли ушел из души, оставив заживающий, налившийся жарким огнем шрам. Не было больше сомнений, что нужно делать, надо было просто ехать и делать. Делай что должно, и будь что будет, а мои все равно меня дождутся, если я их не подведу.

Я встал на ноги окончательно. А на следующий день уже пересел в седло Кузнеца и поехал рядом с фургонами. Красный Ар и старик только лукаво шурились, глядя на меня, и обменивались фразами на непонятном мне зингарском языке. А я украдкой заглядывал в фургоны, желая увидеть ту, кто приходила ко мне ночью, и не находил. И все больше убеждался в том, что она мне привиделась.

На границе степи и плоских приморских гор на табор попытались напасть какие-то оборванцы, но зингары оказались не лыком шиты. Похватав из фургонов длинные однозарядные винтовки, они открыли ответную стрельбу, быстро разогнав нападавших, да и я сделал с десяток выстрелов, кого-то подстрелив.

– Совсем выздоровел, взводный, – сказал Ар, снова усаживаясь на облучок и указав на место справа от фургона, приглашая меня к разговору.

– Да похоже на то, спасибо напитку твоему, – сказал я, пристраиваясь поближе.

– А что напиток? – даже удивился он. – Напиток простой, там лишь травы степные, а степь – это воля. Ты вольный, и мы вольный народ, это наш напиток. А что он тебе показал, мне не ведомо, это только тебе знать.

– Скажи, а в таборе есть девчонка, лет восемнадцать с виду, красивая, глазастая, длинные волосы до пояса.

– Одета как? – деловито спросил зингар.

– Гхм... одета? – растерялся я. – Да я ее не одетой видел. А так красивая, справная, как жена моя была до свадьбы.

– Может, ты свою жену во сне и видел? – захохотал зингар. – А по описанию твоему, друг, так половина девчонок в таборе похожа. Нет, не видел такой, не скажу.

– Ну, может, и приснилась, – согласился я.

К предместьям Свободного города Рюгель подошли на следующий день. И там же я увидел море, которое в последний раз видел только на княжеской службе, голубое, бескрайнее, переливающееся белым жемчугом пены по синей скатерти, пахнущее йодом и свежестью.

Сначала показались предместья из глинобитных домиков, затем дома каменные, покрепче, а ближе к морю, на холме, стояла могучая каменная крепость, в бойницах которой виднелись серьезные пушки. Такую брать – кто хочешь зубы обломает. Такие стены и осадная артиллерия не возьмет. Свободные купеческие города были богаты и держали немалые наемные полки, в которые с охотой шли жители северных и предгорных княжеств, соблазненные хорошей платой и не убоявшиеся опасностей и суровой дисциплины. Эти самые города еще и объединяться могли для большой войны. Но вообще купечество было неагрессивным, предпочитая торговать и приумножать богатство, из которого ссужали под процент окрестных князей, и которые ссуды те тратили на закупку товаров все у тех же купцов. Ну и товар сам производился в этих городах, в княжествах все больше крестьяне трудились, кормили всех.

– Тут попрощаемся, друг вольный, мастер Арвин, – сказал Красный Ар. – Дальше в городе нам делать нечего. А ты езжай, у тебя свой путь, мы тебе мешать только будем. За лошадку спасибо, у меня на ней дочь ездить будет, тебя благодарила.

Я обернулся на стук копыт и чуть не вывалился из седла. На Голубке сидела девчонка, та самая, из моего сна. Хоть нижняя часть лица ее была прикрыта шемахом, глаза перепутать

я не мог, никогда их не забуду. Да и все остальное – молодые зингарки ходят в шароварах и маленьких блузках, сверкая голым пузом и спиной.

– Прощай, мастер Арвин, – ехидно ухмыльнулся цыган, и табор тронулся с места.

А я смотрел ему вслед, пытаюсь понять, что здесь правда, а что мне приснилось. А потом решил, что неважно, потому что в глубине души я знал, с кем я провел ночь на самом деле, и мне совсем не было стыдно.

Тронул затем Кузнеца, и конь понес меня шагом к городской границе, к шлагбауму, у которого стояли несколько ландскнехтов в песочного цвета мундирах и серых гетрах, в кепи с полотняными назатыльниками, прикрывающими от солнца. На плечах у них увесистые новые винтовки с ложами, словно смазанными маслом, штыки отомкнуты и покоятся в ножнах на поясе. Сержант еще и револьвером вооружен.

С ландскнехтами стоял лысый и пузатый человек в потертном зеленом вицмундире, невооруженный, но с большой медной бляхой на шее, указывавшей на то, что он тут главный и решает, кого в город пускать, а кого и не надо.

– Стой, вольный человек, – сказал лысый с бляхой. – Откуда и куда путь держишь?

– В город, – ответил я коротко. – Из Вольных земель.

– До нас слух дошел, что Вольных земель больше нет, – хмыкнуло чиновное рыло. – Да видать, поэтому ты и пришел. А что в городе делать думаешь?

– Дело себе искать.

– Это возможно, взводный, – сказал чиновник, бросив взгляд на шнур у меня на плече. – Ваших бойцов много где ценят. Подойди и в здешние казармы, спроси рекрутера, возможно, что хорошего кавалериста и у нас нанять захотят. Но с тебя серебряная монета за въезд в город, раз уж ты сюда по делу. И медная полтина, если камень не привез.

– Не взял камня, заплачу.

Кошелек у меня не пропал, к счастью, и какие-то деньги там звенели. Нашлась и серебряная монета оплатить пошлину за вход, нашлась и полтина «каменного сбора», монеты перескочили в руки чиновника, а оттуда в большой кожаный кошель у него на поясе, опечатанный сургучом и со щелью вроде как у копилки, чтобы обратно ничего не вытащить было.

Один из солдат отомкнул шлагбаум, сделал жест рукой: «Проезжай».

– И вот еще, добрые люди, вопрос у меня к вам, – спохватился я. – Где на ночлег остановиться можно так, чтобы коня хорошо пристроить?

– По левой стороне рынка езжай, вольный, – ответил чиновник. – Там одни постоянные дворы, и при них коновязи хорошие. А в ином месте и почистят коня за плату, доволен останешься.

– Благодарствую.

Толкнул ногами Кузнеца, и направились мы дальше, к шумному рынку в шумном городе. Сперва, правда, по правую руку попало место печальное. Длинная виселица, на которой болтались четыре тела в разной степени разложения, от которых несло смрадом и над которыми вились мухи, а у самой дороги на кольях торчали головы, а под головами – таблички, описывающие, за какие грехи суд Свободного города Рюгеля счел необходимым отделить их от туловищ.

В глубине же площади возвышался каменный эшафот с колесом и железными столбами, сейчас пустовавшими. Там казни совершались редко, лишь над большими злодеями и с изобретательным живодерством. Чаще всего на нем оказывались разбойники с большой дороги, случись им попасться ландскнехтам или городской страже.

Чем ближе к базару, тем светнее и теснее становилось на улице, много было телег, повозок, двуколок с впряженными в них мулами. Везли какие-то тюки, корзины, ящики, кувшины, бутылки. Шум, гам, крики, свист, призывные вопли торговцев. На меня косились, но ничего

не говорили, тут Свободный город, заходи кто угодно, покупай что хочешь. Это в княжестве Валаш с оружием ходить в городах нельзя.

Чуть дальше пришлось спешиться и вести коня в поводу, потому что стало совсем тесно и я боялся, что Кузнец занервничает и кого-нибудь придавит. Не привычен конь вольных к таким толпам народу.

Оглядевшись, увидел вывеску «Постоялый двор «Старый сундук». Обеды и ужины, для конных еще и конюшня имеется». Ну вот, примерно то, что мне и нужно. Зашел в распахнутые ворота, в которых топтался туповатого вида здоровенный детина с дубинкой на поясе, спросил его:

– А что, добрый человек, места на дворе вашем есть?

– Вроде есть, – затруднился тот с ответом, нахмурившись. – У хозяина спрашивайте, в трактире он сейчас.

– Благодарствую.

У коновязи, вытянувшейся вдоль фасада длинного каменного дома, стояло с десяток лошадей, из которых пара «горянок» выглядела весьма даже не дешевыми. Пристроил Кузнеца и направился в дом, сам чуть брезгливо принюхиваясь к запаху конского пота, которым от меня разило нещадно. Все же две недели по степи, и всего дважды искупаться и коня искупать удалось, мало там воды.

На входе в трактир была чаша с плавающей свечой, у которой я сотворил знак Сестры и Брата. Это хорошо, если здесь верующие люди живут, особенно если моей веры. Иной веры так и даром не надо, кое-где зверям хищным поклоняются, или духам мертвых. Тьфу, простите, боги. Впрочем, и с моей верой не все ладно в последнее время, раскол в ней пошел... да ладно, не до этого мне сейчас.

Хозяин, маленький, толстенький, лицом неуловимо похожий на покойного десятника Симера, к тому же еще и рыжий.

– Чем помочь могу, вольный человек? – спросил он меня.

– На постой определи. С конем. Вот вся и помощь.

– Ну не скажи! – широко заулыбался он. – А кормить тебя с конем и не надо, скажешь?

– Ну да, моя ошибка, – усмехнулся и я. – Конь овса заслужил, две недели травой питался, да и я поснедать не откажусь. А нет ли у тебя еще и баньки здесь, добрый человек?

– Как не быть? – удивился он. – Через двор пройди и в дальнем углу. Хорошая банька, никто не жаловался. По крайней мере, как ты оттуда выйдешь, никто не догадается, сколько дней ты верхом проскакал.

– А комнаты хороши ли? – спросил я уже просто так, приняв решение.

– А тыними да посмотри, – засмеялся хозяин. – Хорошие за те деньги, что прошу. И коня обиходить могут, мальчишки мои зарабатывают. Да не бойся, никто не жаловался, они дело знают, – добавил он, перехватив мой сомневающийся взгляд.

Цена не поразила, но лишь потому, что я примерно такой и ожидал. Дешевым постоялый двор не был, равно как и дорогим. Самая серединка в этом ряду. Коня я самолично отвел на конюшню, где он получил просторное стойло, и двое расторопных мальчишек немедля бросились его сноровисто обтирать, получив от меня по монете, а затем пошел обратно в дом, где и поднялся на второй этаж по пыльной и рассохшейся деревянной лестнице. Нашел нужную дверь, грубо, но крепко сколоченную из толстой доски, которую не каждая пуля пробьет, открыл ее.

– Ну, попросторней видал, – честно сказал я, оглядевшись в клетушке. – Но жить можно.

Сундук напротив кровати, полки над ним на стене, маленький столик, за которым можно поесть или написать письмо, сидя на кровати, ну и сама койка с соломенным матрасом, застеленным грубым, но чистым и свежим бельем.

– Ну, если клопы будут, хозяина плетью отлуплю, – заявил я вслух, бросая сумки на сундук. – Они мне кровь пустят, а я ему, из задницы.

Раскрыл сумки, задумчиво разглядывая небогатый свой одежный припас. Одна рубаха насквозь кровью промокла и разрез во всю грудь, даже и не знаю, смогу ее отстирать, или мне в ней только коней чистить в будущем. Та, что на мне, потом пропитана, ее и надевать уже стыдно без стирки. Со штанами ситуация такая же, одни в крови, другие грязные дальше некуда. Лучше всего с обувью, запасные сапоги, только легкие, с брезентовыми голенищами, у меня тоже с собой, и не надевал я их ни разу. И портянки чистые имеются. И как в баню пойдешь? Опять то же самое на себя потом натягивать? Срам один, даже думать противно.

– Хозяин, – спросил я, спустившись вниз. – А где здесь можно рубаху купить? И грязное прачкам сдать?

– Прачки отсюда заберут, оставь у порога комнаты, а купить одежду... так вон, базар перед тобой. От ворот сразу налево будут платяные ряды. И пошить смогут, и готовое найдешь, и починят, если что надо.

– Благодарствую.

4

Покупка рубахи и штанов, да еще и исподнего, здорово тряханула мой и без того не слишком толстый кошелек, но деваться-то некуда, худо будет, если из приличного места заслуженно взашей выставят и обсмеют заодно. А что тогда скажешь в ответ, если заслужил? Одет как бродяга, так и ходи туда, куда одним бродягам вход. А как же еще?

Насчет бани хозяин не обманул, добрая оказалась баня. Много пару, так что и не видно стен, огромная груда раскаленных камней, за которыми приглядывал мрачный мужик с черной бородой, холодный камень лавок и даже насос с ледяной водой из колодца. И никаких пределов по времени, за серебряную малую монету парься хоть до завтра.

Сначала один сидел, отмокал в горячем пару, чувствуя, как выходит из пор, казалось бы, уже вьевшаяся в них степная тонкая пыль. Холодный яблочный мед, который приносила смущающаяся девка из трактира. Фрукты на деревянном блюде. Отдых. Расслабление.

Затем ко мне двое купцов присоединились. Один из Свободного города Элбе, второй из княжества Лор, что расположилось отсюда далеко к востоку. Разговор у них шел все больше купеческий, о товаре и ценах, я в него и не лез по незнанию своему, разве поздоровался вежливо, когда они вошли, но одна фраза купца из Лора мое внимание привлекла. Приятель его спросил:

– А что по товару из княжества Рисс сейчас слышно? И что туда на продажу везти стоит?

А тот ему и ответил:

– В Риссе новый князь на престоле, а вражда старая. Туда только винтовки везти с патронами или сабли. Сукно мундирное хорошо покупают.

– Что за вражда? – уточнил купец из Элбе.

– Да с валашским князем, Орбелем Вторым. Что-то у них было раньше, откуда вся история. При старом рисском князе, Велиме, вроде как тихо было, а сейчас сын на престоле, Вайм, а он с детства злобный был, как кот болотный. Вот и начинается что-то. И верховный пастырь тамошней епархии вроде занемог, а помощник его, Берг, под молодого князя перейти решил. Так что церковный раскол и туда дошел.

– А Берг этот к двуединым примкнуть хочет? – уточнил элбиец. – К обновленцам?

– Точно, так и есть, – уверенно ответил ему лорский купец. – Он в Союзе городов какие-то интересы имеет, а купцам здешним, сам знаешь, церковная пошлина на ввоз, как нож в задницу.

– А Берг что про пошлину? – насторожился элбиец.

– Берг под власть церковь подводит, говорит, что негоже им пошлины взимать, дело церкви о душе думать и милостью богоданной власти жить.

– Ну с этим и я согласен, – засмеялся собеседник. – Десятую часть монофизиты берут, это же грабеж. А что у Берга здесь за интерес?

– Да слышал я краем уха... – понизил голос лорский, – что Берг в селитряной торговле уже как бы не первый человек. В Улле торговый дом, у которого монополия на завоз селитры, вроде даже весь у Берга. И добыча тоже вся его теперь.

– Вот оно что... – с уважением протянул тот.

С этого момента я добрых купцов и слушать бросил, задумался. Я про старого рисского князя мало что хорошего слышал, вроде он от пьянства и распутства скончался. А про молодого знал еще меньше. Но вот сочетания слов «злой, как болотный кот» и «Орбелю Второму враг» меня очень вдохновили. Первая идея, можно сказать, что мне дальше делать.

– Простите, степенство, – обратился я к лорскому купцу. – А не слышно ли что-нибудь о том, чтобы рисский князь войско набирал по случаю вражды?

– Как не слышно, еще как слышно, – ответил тот, поприветствовав меня кружкой. – И горцев призвал, и разных других людей набирает. Он ведь, если честно, даже не князь, а княжич, престол-то старшему брату достаться должен был, но того болезным душевно объявили. Кто-то признал младшего, а кто-то и против, там своя война скоро начнется, пока дело до Валаша дойдет.

– А как туда добираться лучше?

– Через Валаш не пройдешь, там граница под охраной теперь, – задумался купец. – Да и напрямую не знаю, сможешь ли устроиться? А вот вольные отряды берут, из разных краев. По Свободным городам вербовщики бродят, и по северным княжествам.

– И здесь есть?

– А как не быть? – усмехнулся купец. – И здесь найдутся. Вербовщики как хворь, в любой город пролезут, как ворота ни запирай. Про барона Вергена слышал когда-нибудь?

– Кто о нем не слышал... – усмехнулся уже я. – Первейший мерзавец, какого земля носила. Но говорят, что воин знатный, умный, и ландскнехты за ним идут. Рейтарский полк, что он набрал для Северной войны, так и лучшим конным почитают.

– Верно, так и говорят, – согласился купец. – И еще говорят, что он большую армию собирать начал. А в Валаше, если помнишь, его на кол посадить обещали, и Орбель Второй на алтаре в том клялся.

Верген, барон, лишившийся невеликих своих земель во время войны за Ривенское наследство, прославился как великий мастер собирать и вести за собой наемные полки, ставя их под знамена того, кто обращался к нему за помощью. И армии Вергена обходились нанимателям удивительно дешево, потому что воевали всегда на земле врага и кормились с нее. Другое дело, что в тех краях, по каким проходила его орда, подчас потом даже кошки бродячей найти нельзя было. Разор и запустение оставляло за собой его воинство. Из полумиллиона жителей Северной марки, богатой углем и железом, за которую и бились княжества во время Северной войны, уцелело тысяч двести, не больше. Голод, болезни и штыки наемников выкосили население этого прежде богатого края, оказавшегося по прихотливым извивам династической политики на кону между несколькими хищниками. Но победа осталась за стороной Вергена.

– Вы, степенство, за труд не сочтите... – чуть замялся я с вопросом. – А где вербовщиков в Рюгеле встретить можно? Мне только на местного полка казарму указали.

– Нет, это не в казарму, вольный, – покачал тот головой. – Иди на рынок городской. Там сразу за воротами справа корчма есть, называется «Любезный разбойник». Вот там и охранники обозные собираются, и ихние набольшие. И там же вербовщики бывают обычно.

– А местные ландскнехты как на такое смотрят? – на всякий случай спросил я. – Что в их городе другие шакалы шарятся.

– По-разному, – ответил купец. – В иное время и пристукнуть могли, а сейчас сказал им кто-то, чтобы не мешали. Ты ведь про высокосвященного Берга слышал? Дальше сам сообрази, Рюгелем ведь купечество правит.

– Верно, сообразил.

– Вот к ним туда и иди. А вообще лучше к кабатчику сперва подойди и дай ему серебряк. Тогда он тебе точно скажет, к кому подходить лучше и кто людей ищет.

– Благодарствую за совет, – поблагодарил я его.

Куда мне дальше идти, сомнений и нет уже. Если рисский князь войско против валашского собирает, то мне путь только туда. Шрам мой, что огнем наливается, едва глаза закрою, он ведь не на руке, он прямо поперек души острым ножом прорезан. Нет у меня ничего больше в этой жизни, кроме врага моего. Один я много не смогу, а вот с чужим войском... там видно будет. Глядишь, Брат с Сестрой вознаградить решат, дадут собственноручно Орбелю башку смахнуть. Блазнится это все, конечно, но крови я пролью.

5

После того как добрые купцы подсказали, что же дальше делать, я зашевелился быстрее. Выскочил из бани, надел обновы, чистые и глаженные, подпоясался поясом с кинжалом и револьвером. И заторопился к рынку, почти бегом, опасаясь хоть день потерять. Торг уже заканчивается, купцы скоро товары по лабазам запрут да и отдыхать пойдут, а заодно и охрана разбредется. И тогда придется до завтра ждать, а ждать не могу. Нет терпения ждать.

Рынок и вправду уже пустеть начинал. В иных лавках ставни закрывали, между рядов и в воротах сторожа появились, но в корчме «Любезный разбойник», которую я сразу приметил, было шумно и весело. И скрипка пиликала, и пел женский голос по-зингарски, и топали чьи-то крепкие каблуки в доски пола.

Дверь скрипнула, распахнулась, колокольчик звякнул. И оказался я в зале, сплошь задымленном табаком – все сидящие курили нещадно, кто трубку, а кто и сигару. Окрестности Рюгеля, кстати, известны были табачными посадками, по всему Человеческому миру расходился отсюда товар. Курение грех вроде, но не большой.

Огляделся. Людно было в корчме, шумно и пьяно. Средних лет зингарка в цветастой юбке и алой косынке на распущенных длинных, чуть с проседью смоляных волосах пела что-то неприличное, видать, если по тому судить, как она публике подмигивала, танцуя, топая каблуками в пол и время от времени перебирая длинными худыми пальцами струны гитары, а седой старик, сутулый и тощий, удивительно легко и гладко выводил мотив на скрипке. Музыкантов слушали, и слушали с удовольствием – в медной миске, стоящей на полу у их ног, было набросано немало монет. В зале где подпевали, а где и просто посвистывали. Кто-то отбивал ритм кружкой по столешнице.

За длинными столами свободных мест почти не было, и я пошел к длинному прилавку, за которым стоял, разглядывая меня, кабатчик – среднего роста худощавый мужик с любезной, но не слишком искренней улыбкой.

– Мир дому вашему, – поздоровался я, опершись на прилавок.

– Тебе мир, добрый человек, – откликнулся хозяин, глядя на меня слегка оценивающе. – Налить тебе чего?

– Налей мне молодого вина, – сказал я и выложил на прилавок со стуком серебряк. – И может, подскажешь, есть тут кто по найму в ландскнехты?

– В казарму не пробовал ходить? – спросил он меня, взглянув колюче.

– Слышал, что не только в рюгельский полк нанять сейчас могут. А самые дела в других краях ожидаются.

– К Вергену рвешься, вольный? – усмехнулся он, а затем окинул зал быстрым взглядом.

Достав из-под прилавка стеклянную кружечку, он нацедил в нее красного, как рубин, вина из бочонка, подвинув ко мне. Затем сказал:

– За вино не плати, это за серебряк твой тебе. А совет... Видишь такого худого, с русой бородой, еще шрам через всю морду?

Посмотрев, куда указывала рука, я кивнул. Верно, у самого окна сидел, попивая вино, рослый худой мужик с двумя патронташами через плечи и длинным красным шрамом, перекававшим худое и жесткое смуглое лицо.

– Вижу такого.

– Это Бейвер Хрипатый, помощник вербовщика. Самого Пейро, который за главного у них, не вижу сейчас. Поговори с ним, он человек дельный, репутации хорошей. На меня сошлись.

– Благодарствую, – поклонился я и направился через весь зал.

Когда я подошел к Бейверу, как отрекомендовал его кабатчик, зингарка как раз закончила песню, и весь зал заорал, засвистел, захопал.

– Мир тебе, добрый человек, – поздоровался я.

Бейвер поднял на меня светлые глаза, очень странно смотревшиеся на таком смуглом лице, кивнул спокойно, ответил вежливо:

– И тебе мир. С чем пожаловал?

Голос у него был необычно хриплый, и я заметил еще один шрам от ножа, уже на горле.

– Кабатчик направил, – сказал я как велено. – У тебя работы спросить. Найма ищю.

Он молча показал рукой на место рядом с собой и уже затем сказал:

– У меня спросить можно, да ответить мне нельзя. Нет у меня власти новых людей брать.

Ты из вольных?

– Верно, из вольных.

– Плохое я слышал о вас. Верно оно?

Помолчав, я кивнул.

– Верно. Нет больше вольных.

Он помолчал, как-то странно глядя мне в глаза, затем кивнул:

– Понятно. И хочется тебе к барону Вергену в рейтары?

– А что, есть иной выбор у меня? – вопросом на вопрос ответил я.

– Насчет тебя не знаю, а у меня на твоём бы месте не было. Тут ты прав. Рисс с Валашем войну начнут со дня на день, куда тебе еще идти, вольный, в таком случае? А без Вергена и его войска эта война точно не обойдется, силы собираются.

– Уже?

– Уже, – кивнул он. – К Орбелю Валашскому князь Берр примкнул с пятью тысячами войска при двадцати пушках. Чуют все, что в воздухе висит. Если бы вы там у себя в степи от всего не замкнулись, то тоже поняли, что добра ждать нечего.

– И в чем причина?

– Про церковный раскол говорить надо? – поднял бровь Бейвер. – Орбель монофизитствующих каждым словом славит, верховный пастырь его брат родной. А северо-восточные княжества к обновленцам склоняются. А вы, вольные, обновленцами всегда были.

Это верно, про набожность и монофизитство Орбеля Второго чуть не легенды сказывали. Бывало, что сутками в храмах отстаивал, молился, правда, после такого, еще по тем временам помню, когда сам служил, говорили, что всегда его на зверства тянуло. Или на подлость. Как на нас войско послать решил, так молился неделю перед этим, небось.

– Верховного пастыря в Рисс назначил брат его, Дорн Кривозадый, он же клир церковный возглавил сейчас. А как тот в Рисс прибыл, так сразу болеть начал, уже и говорить не может, по слухам. А всеми церковными делами Берг заправляет. Слышал про такого?

– Слышал. К обновленцам перешел, с Союзом городов дела крутит.

– Верно, так и есть. Дорну, как и Орбелю, он первый враг. Чуешь, какое варево на огонь поставили? Так что правильно ты решил, если мстить и кровью выкуп брать – тебе к нам самая дорога. Начнется скоро. Ладно... – Бейвер поднял кружку с вином, – за твоих выпить хочу.

Я молча поднял свое вино.

Голос Бейвера звучал сухо и монотонно, но что-то внутри мне подсказало, что собеседник искренен сейчас. И вправду понимает меня. И что-то еще кроме этого подразумевает.

– Добрый народ был, – сказал он, подняв кружку с вином. – За них пью, покой им и свет.

– Покой и свет, – повторил следом я.

Так и выпили. Затем, утерев усы, он сказал:

– Старший мой тебя возьмет, точно. Только Пейро здесь не будет, а я за ним пойду через час примерно. Хочешь, иди со мной, там и поговоришь. Или завтра нас ищи.

– Пойду. Почему не пойти.

– Если голоден, лучше здесь поспедай, – добавил Бейвер. – Куда пойдем, там втридорога и гадко. Бордель это.

– Бордель? – чуть удивился я.

Такие места не посещал еще со времен солдатчины своей, да и тогда нечасто. Не было желания потом вместо шрамов боевых следами дурной болезни красоваться.

– Бордель, – кивнул Хрипатый. – Там те, с кем Пейро говорить должен, за постоянных гостей. Тот еще народ.

По тому судя, как он это сказал, я решил, что опасается Хрипатый этого места, равно как и тех, кого там встретить должен. И вольный, то есть я, желающий поступить на службу, ему как благодать богов на голову свалился. Так бы один пошел, а то вдвоем. А почему вдвоем?

– А что, много ты здесь народу уже набрал?

Он меня понял правильно, кивнул, к вину приложился, затем сказал:

– Кого набрали – уже дальше отправили. Нам люди в лагере нужны, где полки собирают, а не здесь. Договоримся, и ты дальше поедешь, а я тут останусь. Ты кем, кстати, по должности был?

– Взводным был до недавних дней.

– Это хорошо, – кивнул он одобрительно. – Во взводные назначения сразу не обещаю, а вот десятником сделать могут. Хотя ваших ценят, у вас тактика что у рейтаров, могут и взводным.

Тут подавальщик подошел, и я у него поесть попросил. И получил вскоре большой кусок буженины на хлебе с сыром и овощами. Разносолами тут не баловали, а больше так, едой тех, кто на бегу перекусывать привык, потчевали. Но буженина была свежая и хлеб такой, что корка на всю корчму хрустела.

– Ну что, пошли тогда, – сказал Хрипатый, глянув на карманные часы. – Пора нам. Пока дойдем, пока то да се... В борделе этом, его «Пьяной русалкой» зовут, все время возле меня будь. Сам в драку не лезь, но жди любой пакости. Нет у меня доверия там ни к кому. Если увидишь, что я за пушку схватился, пали по каждому. Но если дело до ножей, стрелять не могли, стража сбежится, хоть кулаками бейся, хоть вон кинжалом своим отмахивайся. Понял?

– Чего же тут непонятного?

– Тогда пошли.

Дело шло к вечеру, и зной с пыльных улиц Свободного города Рюгеля уже уходил. Свежестью несло с моря, и этот ветерок даже развеял немного запах конского навоза и мочи, который был основным на улицах вокруг рынка. Дальше, правда, стало почище, да и дома пошли побогаче. Ну и публика поприличней по улицам гуляла. Случалось видеть и кабаки для «чистой публики», где сидели мужчины в белых визитках и белых шляпах, а с ними дамы в маленьких кокетливых шляпках и кружевных перчатках. Играла музыка, все больше скрипки и арфы, звенела посуда.

Но ближе к порту все это благолепие опять начало нарушаться. Сначала был небольшой торговый район, сейчас пустынный и тихий, а уже за ним показался порт с целым лесом мачт, перекрещенных реями. А вскоре я увидел и первый красный фонарь над дверью, а возле дверей стояла дебелая пышногрудая девица в корсете, затягивающем ее белоснежные жиры до невозможных пропорций, а ее пышные ляжки выпирали из высоких то ли чулок, то ли сапог, кончавшихся у самого причинного места. Еще у нее была кокетливая шляпка в форме таблетки, с редкой и немного рваной вуалью, через которую масляно блестящие пьяные пороссячи глазки.

– Морячок, ласки ищешь? – спросила она таким мелодичным голосом, словно кто-то поблизости сковородку ножом чистить пытался.

– Не ищу, девица, – отмахнулся Бейвер. – И уж если бы искал, то не твоей.

– А я тут не одна! – объявила она, ничуть не обидевшись. – Зайди в дом и выбирай.

– В другой раз, когда мозги совсем пропью.

– Мозги нам без надобности, даже стручок свой пропить можешь, кошелек не пропей, главное! – захохотала она над его словами, свистнула нам вслед пронзительно и тут же пристала к другому прохожему.

Так повторилось у следующего красного фонаря, и еще у одного, а потом Бейвер даже отвечать перестал на нахальные заигрывания портовых шлюх.

Трактир «Пьяная русалка» располагался у самых портовых ворот. Видимо, для вящего соответствия названию, кто-то сбил вывеску в виде кривобокой девки с рыбьим хвостом и уродливым лицом с двумя красными пятнами, изображавшими здоровый румянец на щеках, и теперь она жалко болталась над входом на одном хвосте, поскрипывая на слабом ветру. Дверь же была тяжелая, какую и иной пушкой не выбьешь сразу, случись такая нужда.

Бейвер толкнул ее, вошел, жестом приглашая меня идти за ним. И сразу за порогом мы наткнулись на невероятного размера детину в кожаной жилетке, при виде которого сразу вспомнились детские сказки про великанов-людоедов, что приходят по ночам с Ядовитых Пустошей. Этот зарос бородой до самых глаз, в руках была тяжелая, окованная железом дубинка, а сами руки, толстые, как бревна, покрыты татуировкой, в которой причудливо пересекались и сочетались голые девки, цепи, якоря, компасы и ножи с револьверами.

Смерив нас придирчивым взглядом, он ничего не сказал и сдал в сторону, освобождая проход.

Для того чтобы кабак в борделе был забит публикой, было еще рано. Вдоль дальней стены сидели распутные девы в откровенных нарядах, все больше некрасивые, с прыщами на открытых частях тела, а главная среди них, в короткой пышной юбке и чулках в сеточку, светила большим и плохо запудренным фонарем под глазом.

Сидели за дальним столиком два пьяных в дым морячка, бородатый здоровяк с бляхой какой-то городской гильдии пил пиво из огромной кружки у окна. Кроме них были еще люди за соседним столом. Четверо, двое и двое, сидевшие друг против друга.

С одной стороны стола главным из двоих был явно маленького роста старик с благообразным лицом и расчесанной седой бородкой. Виду он был опрятного, в белоснежной рубаше дорогого полотна под бархатным бордовым жилетом, на шее рядом с ладанкой Брата и Сестры висела цепь с символом духа ветра Маргала, покровителя лихих людей. Непростой старичок, если даже не скрывает принадлежность свою к цеху тех, чья жизнь заканчивается чаще плахой или виселицей. Хотя этот в годах преклонных, и похоже, что навещать городскую Площадь Правосудия он не собирается.

А вот спутник его там уже бывал. Рядом с пожилым сидел некто, которого сразу можно было определить как «ручную гориллу». Высокий, плечами шириной чуть ли не в стол урод с жутким костлявым лицом, на котором рот и нос прикрывала черная шелковая повязка, свисающая на манер занавески. Не надо иметь ум в степь шириной, чтобы понять, что скрывает сей занавес дело рук палача, лишившего гиганта носа и вырвавшего ему язык «с обозначением», когда еще и губы уродуются, чтобы не сомневался видящий. Хотя не здесь это случилось, где-то в княжествах. В Свободных городах не уродуют, тут или каторга, или казнь.

Напротив старика сидели еще двое. Невысокий, какой-то весь круглый и подвижный толстячок в полотняной куртке, с редкими волосами, прилипшими к вспотевшей лысине, с умными глазами и одновременно простоватым лицом, и смуглый худой человек со сломанным носом, выложивший на стул худые, но жилистые и мускулистые руки, да еще и с немалого размера кулаками.

– Пейро, – шепнул Бейвер, и я сразу понял, что говорит он именно об этом человеке, да и понять не сложно было – на предплечье виднелась татуировка, изображавшая скрещенные саблю и револьвер, знак почтенного цеха наемных конных рейтаров.

– Сядем пока, – подсказал мне спутник, и мы присели за стол, что через один от беседующих.

Пейро оглянулся, поприветствовал Хрипатога Бейвера еле заметным кивком, по мне же просто скользнул совсем нелюбопытным взглядом. Видать, то, что пришел я с его помощником, было рекомендацией достаточной.

Сели за стол, сразу же подскочил подавальщик, окинувший нас подозрительным взглядом.

– Чего изволите? – спросил.

– Вина молодого, – заявил Бейвер. – Не помой у вас?

– Обижаете! – картинно возмутился он. – Лучшее.

Наврал, собака. Вино было кислятиной и явно отдавало спиртом, которого туда подливали с целью повышения убойности пошла. А то так посетитель трезвым останется и на местных красавиц не соблазнится, благо этой соблазнительности в них было что в собаке бродячей.

Разговор за столом шел совсем негромко, даже нам слышно не было ничего. Говорили попеременно старик с бородкой и лысоватый пухлячок, часто и добродушно улыбающийся.

– А кто пухлый? – спросил я Бейвера.

– Круглый Арио, главный приказчик у купца Зарама, что из Рисса, – с какой-то странной усмешкой сказал тот. – Хитрый человек, демона обманет, но со своими честен, слово что кинжал, прямое и крепкое. А вот если не свой ты, то за кошельком следи, как бы не полегчал случайно или вовсе не исчез.

Это хорошо. И что со своими честный, хорошо, и то, что он из Рисса. Может, и вправду я адресом не ошибся. Правда, одного я не понял – при чем тут главный вербовщик в армию барона Вергена и какой-то купеческий приказчик?

Распахнулась дверь, в бордель зашла еще одна компания. Пятеро. Одеты разномастно, на каждом золота – как на купеческой жене, но одежда потрепанная. Сапоги кавалерийские, с брякающими шпорами, шемахи прошитые золотом, стянутые сейчас на плечи, револьверы на ремнях, но не как у меня, спереди наискосок, для выхватывания в конном бою, а на бедре, для быстрой стрельбы.

Я перехватил настороженный взгляд Бейвера, направленный на вошедших. Да и Пейро скопил глаза, я отсюда это заметил.

– Неправильно что-то? – спросил я спутника.

– Не знаю. Всего ждать можно.

Действительно, глянув на вошедших, легко было поверить в то, что проблемы они устроить могут кому угодно. Старший из них, с маленькой гладкой бородкой и длинными волосами, собранными сзади в хвост, оглядел зал, затем улыбнулся белозубо, оглянулся на своих. А дальше все произошло очень быстро. Затянутые в перчатки руки всех пятерых разом упали на револьверы, и словно следуя их примеру, моя ладонь охватила гнутую рукоятку моего, скрытую пока от вошедших краем стола.

Краем глаза я увидел неловкое движение старика с бородой, которого вдруг начал отталкивать назад его телохранитель, выгнутую в локте руку Бейвера, его оскалившееся в злобной гримасе лицо, рывок Пейро, неожиданно плавное и быстрое движение толстячка Арио, все словно накрыло тягучей и звонкой тишиной, которая затем, как бомба, взорвалась мельтешением и грохотом.

Длинный ствол моего оружия уставился в грудь улыбчивому главарю нападавших и плюнул тяжелой пулей, вылетевшей из облака серого дыма. Одновременно с моим треснул выстрелом и его револьвер, но уже с опозданием, задирая ствол вверх, потому что ноги его хозяина начали подламываться. Хлобыстнуло сразу целой пачкой от противников, оставив в воздухе серый дымовой муар, затем те бросились в разные стороны, продолжая палить на бегу, а мы с Бейвером палили в них, уже из-за опрокидывавшегося стола, в который сразу глухо ударили пули.

И орала где-то в глубине зала девки, нырнул за стойку кабатчик, а громила с дубиной сидел у стены с дырой во лбу, из которой ручеек крови стекал по лицу, исчезая в бороде, и Безносый, в залитой на груди кровью куртке, стрелял из огромного револьвера, и затем я увидел Круглого Арио, тоже стреляющего из короткого револьвера, выбрасывающего хвосты огня с удивительной частотой, и Пейро, стоящего на колене над упавшим на пол оружием и зажимающего рукой рану в плече.

Противники тоже успели опрокинуть стол, сколоченный из толстенной доски, непробиваемой для мягкой свинцовой пули, и целый рой таких летел оттуда по всему залу.

Главарь нападавших лежал на боку со странно подвернутыми ногами, и я отметил, что живые так лежать не могут. Второй из их компании корчился у дверей, почти у самых ног убитого вышибалы, схватившись за живот. Все это мое сознание успело отметить за краткий миг, который мне потребовался для того, чтобы высунуться сбоку стола со вскинутым оружием. Чье-то злобно оскаленное лицо попало мне в прицел, и палец сам вдавил спуск, оттягивая назад и срывая в удар по капсулю курок, и голова исчезла за столом, дернувшись и брызнув на стену фонтаном красного.

Кто-то дико заорал, но не от боли, а злобно, что-то приказывая, и вдруг из-за стола, за которым прятались двое живых бандитов, вылетела короткая и толстая стальная труба с дымящимся фитилем, и все разом нырнули в укрытия, а я даже рот открыл, ожидая взрыва. Но взрыва все не было, а вместо него раздался топот сапог по каменному полу, стук распахнувшейся двери и ругательство Круглого Арио.

Обманули, скоты! Перемахнув через стол, я бросился к двери, чуть не столкнувшись при этом с Хрипатым, но в проеме шархнул назад, и несколько пуль выбило пыль из каменного угла. А затем топот ног на улице слился с частой стрельбой по двери – кто-то прикрывал отход нападавших. А потом все стихло, и когда мы все же выбрались из дверей борделя, улица, освещенная лишь луной и светом красного фонаря над покосившейся русалкой, была пуста. И топот доносился откуда-то из путаницы переулков в стороне порта.

– Туда не суйся, – прохрипел Бейвер. – И ногу сломишь, и пулю поймаешь. Ушли они.

Следом высунулся из двери Круглый Арио, выглядевший на удивление спокойно и на ходу перезаряжавший свой револьвер, и позвал нас кивком за собой.

В зале висел запах крови и порохового дыма. Безносый телохранитель старика чуть не плавал в луже крови, лежа навзничь и раскинув руки. Пейро ругался и с помощью какой-то девки бинтовал себе руку полосой чистого полотна. Труженицы бордельные не пострадали, они тут ко всему привыкли, и едва началось, успели все за прилавком укрыться, благо он от пуль защита, и теперь выглядели из-за него как куклы в уличном балагане.

Раненый бандит уже затих, и похоже, что без посторонней помощи, по крайней мере, каких-то других ран, кроме как дыра в животе, видно на нем не было. Убитого мной главаря нападавших быстро обшаривал подавальщик, а сидевший с ним рядом на корточках седой старик при моем появлении поднял глаза и уставился на меня.

– Быстрый ты, вольный, – сказал он. – Вилана Дятла завалил, чего покуда, сам видишь, никому не удавалось. Держи на память.

Откинув полу плаща, он сдернул с пояса малую то ли кобуру, то ли сумку и бросил ее мне. Поймав на лету, я ощутил тяжесть предмета.

– Потом посмотришь, – сказал старик. – Про эту двустволку все знали, Вилан ее с Орга-Скотореза снял, когда пристрелил того в «Гнилой груше». Теперь ты носи.

Я кивнул, забросил маленькую кобуру в карман жилета, а заодно жестом затребовал у подавальщика револьвер убитого с поясом-патронташем. Дорогой ствол сразу видно, да и десятка три патронов не помешают, а что трофей, то трофей, не прониры же этому оставлять. Ему вообще оставлять ничего не надо, а то он еще и нож убитого норовит прибрать. Тут дело не в жадности, а в том, что ему не положено.

Старик лишь кивнул согласно, затем сказал:

– А теперь уходим, сейчас стража набежит!

Действительно, откуда-то с улицы, пока еще издалека, доносились трели свистков городской стражи. Оставаться тут точно не стоит, если нет желания объяснять ей свое поведение. И не факт, что добровольно, дознаватели могут в помощь и палача позвать, если что им не понравится. А палачи в Рюгеле, говорят, не хуже, чем в других местах.

Старик не побежал, а пошел быстрым шагом, ведя нас за собой за прилавок, оттуда на кухню. Я пошел замыкающим, по пути скосив глаза на бомбу-пустышку. Хитрованы какие нам встретились, с таким трюком не только сбежать, но ведь и нас пострелять могли. При виде бомбы все прячутся, кроме тех, кто точно знает, что она не взорвется, большая фора получается. Да и самому фокус запомнить следует.

Из кухни мы попали в какую-то темную кладовку, потом поднимались куда-то по крутой и темной лестнице, затем оказались на крыше, а с нее мостками перебравшись на соседнюю. Снова дверь, лестница, какой-то подвал, узкий переулок, по которому прошли не больше ста шагов и свернули снова в дверь, оказавшись в темном лабазе. Виляние между полками с ящиками, дверь, тусклый свет, какие-то люди, играющие в кости за столом, в комнате настолько прокуренной, что глаза заслезились, и которые старательно не обратили на нас внимания. Дверь, вонючий и грязный сортир, еще дверь, зал другого трактира. Там старик остановился, сказал, обращаясь к Круглому Арио:

– Не знаю, кто именно Вилана Дятла по наши жизни прислал, но договор буду чтить. Жду послезавтра на винном дворе, что после двадцатого верстового столба справа будет.

6

Из портового района шли молча, лишь Пейро иногда злобно ругался сквозь зубы, придерживая раненую руку. Арио подшучивал над ним, Бейвер молчал, ну и я тоже рта не раскрывал.

– Ты, вольный, наниматься ведь пришел? – спросил меня Арио.

– А я думал, что он нанимает, – сказал я в ответ, указав на Пейро.

– Нанимает он, верно, но думаю, что тебе он тоже не откажет. Да и нам с тобой по пути пока, до самого места, где войско собирают.

– Я думал, что ты торгуешь, – подколот я его.

– Торгую, верно, – улыбнулся он. – Важно ведь что... не то, что делаешь, а с кем ты это делаешь, верно? Вот с Диким Бароном и торгую.

Диким Бароном после Северной войны Вергена звать начали. И говорят, что такого имени он вовсе не стеснялся, а даже им гордился и приказал вышить золотом на личном знамени. Знамени с оскаленной волчьей головой – родовым своим гербом, столь удачно демонстрирующим его природу. А заодно и давшим название кавалерийскому полку.

– Так все же торгуешь или в войско нанимаешь? – уточнил я, потому как больше всего в серьезных делах не люблю увертки и недомолвки.

– Пейро, скажи ему, не молчи, – засмеялся Арио, обернувшись к вербовщику.

– Распишешься в контракте и считай, что ты нанят, – буркнул тот. – А если нанят, то Арио слушай, он тут не просто так.

Дважды мы прошли мимо патрулей городской стражи – увальней в синих мундирах с нечищеными револьверами на поясе, и один раз укрылись в тени арки, увидев шагающий по брусчатке патруль ландскнехтов. А затем дошли куда надо, до странноприимного двора «Битый гусь», что расположился всего лишь в квартале от моей гостиницы. Трактир был еще открыт, и там мы с Бейвером за столик и сели. Хрипатый принес откуда-то шивку гербовых листов, на каждом из которых был отпечатан текст контракта, дал мне расписаться, после чего заказал вина:

– Это уже по обычаю. Ты нанялся в рейтарский полк «Волчья Голова» самого Дикого Барона, и кружка эта тебе наливается от имени полка в знак приветствия. Удачи тебе, да будет тверда рука, крепок ум и не переводится золото в кармане. Если же ты полк обманешь, то удивись, каким печальным образом закончится твой жизненный путь.

Мы выпили. Затем Хрипатый сказал:

– Я дам тебе аванс за две недели, остальное получишь в лагере. Но и аванс дам перед самым выездом, не сейчас.

– Велика ли плата?

– Рейтар получает десять золотых в месяц. Специалист – двадцать. Десятник – двадцать пять. Взводный – сорок. Сотник – сто. Дальше думать смысла нет, все равно ты нарвешься на пулю или саблю раньше, чем станешь даже сотником.

– Понятно, не так плохо, – пожал я плечами.

– На войне армия кормится сама, – усмехнулся он. – Там уже не зевай, сможешь и богатым человеком на покой уйти. Но только на веревке не повисни, Дикий Барон грабежей не любит.

– А мне казалось...

– Он любит реквизиции, – прервал меня Хрипатый. – Которые делаются организованно и по плану. А ты из них будешь получать свои золотые. Каждый месяц. И даже премии, если тебя решат наградить.

Тут он ничего нового не сказал. Не кто иной, как Дикий Барон, сказал, что «война должна кормить войну, или это глупое занятие для практичного правителя».

С Бейвером мы засиделись. Он болтал, я молчал, но ему и не надо было, чтобы я отвечал. Вино на постоялом дворе было хорошим, куда лучше, чем в «Пьяной русалке», да и настроение было такое – словно почувствовал, как в течение попал. В то самое, которое понесет меня туда, куда мне и нужно. Затем, к моему удивлению, пришел к нам Пейро, уже со свежей повязкой на плече, с рукой на перевязи.

– Коновал быстро справился, но все расковырял, – сказал он, морщась. – Так что обезболивающего мне нужно, чтобы уснуть хорошо.

И заказал бутылку виноградной водки, предложив и нам. Хрипатый сразу согласился, а я отказался. Не хочу. Встал да и распрощался.

Вернувшись к себе в комнату, не сразу спать завалился, а решил разобраться с тем, что взял сегодня с Вилана Дятла.

Револьвер был хорош – со стволом в пядь длиной, не больше, с удобной рукояткой, обтянутой на клей акульей кожей, и самое главное – с удивительно тонкими стенками ствола. Редкая работа, мало того, что весу в нем меньше, так и живут такие стволы дольше. Утрачено искусство выплавки стали такого качества, говорят. А если попадается подобное оружие, то всегда из стали старой, непонятно где найденной и как до наших дней дожившей. Такое оружие на вес золота, мало кто позволить его себе может. Если же из новой стали ствол сделать такой толщины, то его на первом десятке выстрелов раздует.

Стволы делают теперь толстыми, чаще гранеными. Но толщину бесконечно тоже не будешь увеличивать, вес хорошо умеренный иметь, поэтому стараются навеску пороха ограничивать. У винтовок старых, говорят, прямой выстрел был в два раза дальше, чем у нынешних. А теперь, если рота залпами стреляет на версту, например, то стрелки стволы чуть не в небо задирают.

Ходят слухи, что вроде в городе Рюгеле получили первую плавку какой-то новой оружейной стали, тут железное дело лучше всех поставлено, да только никто ее пока не видел. И слухи уже лет пять как ходят, да все так слухами и остаются. Врут, наверное.

Почистив тщательно, я пристроил револьвер Дятла себе на бедро. Второй не помешает никак, в драке перезаряжать некогда, а у меня только кавалерийский длинный. Так у меня шесть выстрелов было, а теперь двенадцать будет. Попробовал, как он из твердой кожаной кобуры выскакивает, и остался доволен. Давно себе второй хотел купить, да все лишних денег не было. Да и быстрее в пешей схватке такой, короткий, чем мой боевой. Всему свое место и время.

Затем очередь дошла до маленькой кобуры-сумочки, какую на пояс привесь, и ее незаметно будет. Откинул клапан и вытряхнул на ладонь крошечный двуствольный пистолетик со скрытыми курками. И было к нему в сумочке в запасе шесть небольших патронов «дамского» калибра.

Такие мне видеть приходилось, их всякие разные люди любили иметь на самый крайний случай. Не приходилось видеть разве что вариант со складной ручкой, такой как этот. И чем он меня особенно удивил, так тем, что спустить курки можно было даже не раскладывая оружия, а прямо так, скрыв его в кулаке, например. Нет, понятное дело, что из него и разложенного за десять шагов в кочан капусты не попадешь, а уж так, из ладони, так и вообще, но, с другой стороны, можно выстрелить совсем сюрпризом для врага. А это тоже многого стоит.

– Хорошая игрушка, великой подлости, – пробормотал я себе под нос и убрал покуда сумочку в вещевой мешок.

Надо потом подумать будет, куда его лучше пристроить. Но пригодиться он точно может, как последний шанс. Для чего и сделан, собственно говоря.

Нож Дятла оказался тоже отличным, из «старой стали», стоил немало, видать. Крепкий клинок в пядь, удобная рукоятка, лежащая в ладонь как влитая, хорошая заточка. Что еще от ножа надо? Не бедствовал, видать, бандит с большой дороги Вилан Дятел, а может, и сам все это с трупов снял. Как маленький пистолет.

Убрал все на свои места да и спать лег. Без снов. И засыпая, знал, что меня ждет. Мечь. А какая она будет, только Брат с Сестрой ведают.

7

Пейро, оставшемуся в городе, удалось набрать около двадцати человек, которых он и отправил дальше, к месту сбора. В поход мы двинулись не просто так, а в охране каравана из нескольких фургонов, правили которыми как на подбор крепкие и хорошо вооруженные ездовые. И товар в фургонах был им под стать – на старой винодельне, где назначил Круглому Арио встречу старик из борделя, в фургоны закинули десятки длинных ящиков с винтовками, порох в облитых парафином деревянных бочонках, гильзы в мешках.

Дорога шла вдоль берега, прижатая к нему невысокими пологими холмами, постепенно, по мере удаления от воды, становящимися все выше и круче и через несколько верст превращающимися в настоящие горы, скалистые и местами поросшие лесом. Ветер нес с недалекого моря запах водорослей и соли, а временами, когда дорога приближалась к линии прибоя, слышался и его шум. Слева и справа от дороги тянулась неширокая, но густая полоса зелени, состоящая в основном из колючей акации. Чирикали птицы, поскрипывали колеса фургонов, мерно топали копыта коней.

Дорога была оживленной. С окрестных виноградников, расположенных по склонам, катили телеги, шли крестьяне, попадались встречные караваны – по этой дороге везли великое множество грузов, потому что она нанизывала на себя все Свободные города, и из нее выходили ответвления других трактов, ведущих на север, в княжества.

Тракт пересекало множество мелких речушек, текущих со стороны гор к морю, и тогда копыта коней топали по толстым доскам мостовых настилов, а караванщик отдавал монетки мостовой пошлины на дорожных заставах, в этих местах частых и вполне придиричивых.

– А не прижмут нас с этой контрабандой? – спросил я у Арио, ехавшего рядом верхом.

Арио сам караван и возглавлял, равно как и весь отряд. Хоть и приказчиком именуется, а кто главный, сразу видно. Что он говорил – то было законом, даром что он посмеивался через слово, и даже голоса ни разу не повысил. Ну и мне ответил вежливо:

– А это не контрабанда. Поэтому ландскнехты, случись их встретить, нас не заметят.

– Община Рюгеля просто не хочет напрямую продавать? – догадался я. – Но продавать все же хочет?

– Верно, – кивнул Арио. – До границы Валаша им рукой подать, войны между ними нет. Но поддерживают они нас, так что сам видишь. Они берут чуть не половину цены за винтовки, а Валашу, который у них тоже покупал, задрали цену вдвое.

– А старичок?

– Без этого старичка в Рюгеле даже яблоко на базаре украсть нельзя. Надо с этим яблоком пойти к нему и обязательно дать ему откусить, если не хочешь случайно оказаться повешенным на собственных кишках.

– Понятно. И если попадемся как-то, то ответственность на главном преступнике города?

– Именно так. Старичка зовут Морт Удавка, и если бы он не был время от времени нужен, городской палач давно бы взрезал ему живот и намотал кишки на ворот, а потом зажарил прямо у него на глазах.

Несмотря на свой мирный вид и то, что больше всего Арио напоминал именно приказчика, в седле он сидел ровно и вооружен был серьезно. За спиной у него разместился короткий карабин рюгельской, как и мой, работы, на седле висел длинный, так называемый «рейтарский» револьвер, тяжелый, со стволом в две пяди и специальным откидным упором, дававшим при стрельбе с одной руки дополнительную опору для предплечья. А на боку у него был второй револьвер, обычный.

Пошел такой обычай вооружаться от наемных конных стрелков, называемых рейтарами. В отличие от вольных и горцев, обстреливающих вражеский строй из карабинов с удаления, а

потом атакующих сперва револьвером, а затем и клинками, рейтары и начинали с револьвера, но именно своего, мощного и дальнобойного, с расстояния поменьше, но и огонь от них шел гуще, затвор дергать не надо. И расстреляв все патроны, атаковали, причем подчас не клинками, а вторым револьвером, а у некоторых их было не по одному и по два, а по три. Сабли же свои они, как и мы, возили притороченными к седлам, потому что иначе как в конном бою ими не пользовались. А у Арио сабли и вовсе не было.

Такая тактика была хороша всем, кроме того, что спешившийся рейтар сразу начинал проигрывать обычному пехотинцу с винтовкой. Поэтому многие из них обзаводились еще и карабинами, подражая вольным и горцам, но это уже не было правилом. И стрелять так, как мы из него, с седла, они не умели, хотя револьверной пальбе могли сами кого хочешь поучить.

– Далеко до сбора идти нам?

– Только сейчас спрашиваешь? – вроде как удивился Круглый. – Тебе не все равно?

– Все равно, если честно, – кивнул я. – Где всей дороги конец, я и так знаю, а где остановки по пути... какая разница?

– Это хорошо, – кивнул он, секунду о чем-то подумав. – Такие люди нам особенно нужны будут.

– Какие?

– У кого к валашскому князю личное. И кому этого доказывать не надо.

– В смысле?

Вообще-то я понял, что он имеет в виду, но хотел, чтобы Круглый Арио сказал это вслух. Не всегда следует догадливость проявлять.

– Ты – вольный, – спокойно сказал он. – Все уже знают, что случилось с вашим народом. Каждый уцелевший из вас теперь на вес золота. Ну да ладно, об этом мы позже поговорим, после того, как доберемся до места.

– А все-таки далеко?

– Дней десять пути, – ответил он уклончиво. – Мимо не проедем, не беспокойся.

8

Дорога тянулась и тянулась, шли дни, перемежавшиеся ночами, когда обоз останавливался за небольшую мзду на ночевку на общинных землях деревень и малых городов. Тянулись слева бесконечные холмы, море то появлялось справа, то снова исчезало. Поля сменялись лесами, а леса садами и виноградниками, проходили мы через дорожные заставы, пересекали границы земель. Мосты переводили наш обоз через ущелья, лишь в некоторых из которых, ввиду сухого времени года, можно было увидеть мелкие быстрые речушки, несущиеся к морю.

Кузнец в основном шел шагом, наслаждаясь спокойной жизнью, отфыркиваясь и отмахиваясь хвостом от назойливых мух, иногда я сам спешил и вел коня в поводу, когда обоз замедлялся. Жара делала всех молчаливыми, хотелось все время пить, и всем мечталось о спокойном сне где-нибудь в тени.

Я присматривался к попутчикам, находя в них самых обычных ловцов удачи. Из двух десятков человек, подписавших контракт с Пейро, полтора десятка успели послужить в самых разных вольных ротах, наемного солдата было легко и просто опознать в каждом из них. Жизнь ландскнехта чаще всего коротка и бесшабашна, и люди, умудрившиеся пережить очередную войну, каких случалось много, становились словно существами особой породы, привыкая не бояться ни богов, ни демонов и жить сегодняшним днем. Голова и руки-ноги на месте, в кармане звенит серебро – о чем еще мечтать?

Были и новички, решившие попытаться счастья на поприще обмена своей и чужой крови на то самое полновесное серебро. Но совсем неопытных было среди них всего двое, остальные решили вверить себя изменчивой удаче ландскнехта после того, как послужили в армиях разных княжеств и умудрились или дезертировать из них, или даже выйти в отставку. Отставник, правда, был всего один, остальные – дезертиры, кандидаты на петлю, случись им оказаться в родных краях и быть опознанными властями.

Быть дезертиром из армии у ландскнехтов позорным не считалось. Солдатская служба мало того, что тяжела, но в большинстве случаев на нее еще и призваны насильно, и отношение к солдату такое, какое и к каторжникам не везде себе позволяют. Особенно армии малых северных княжеств этим знамениты. Ну и гибнут солдаты часто, потому что для их князей подчас единственный источник дохода послать свое воинство на чужую войну в обмен на немалую сумму в золоте. Золото остается у князя, а его солдаты остаются на полях сражений, чаще всего даже не погребенными, а просто поживой стервятников и червей. Кому они нужны, чужаки, чтобы посмертно о них заботиться.

А вот дезертирство из вольных рот у ландскнехтов не прощается. Если нет у тебя на руках «выходной грамоты», в которой сказано, что служил ты в такой-то роте и отпущен сейчас, завершив с ней все расчеты, и нет к тебе претензий, – ты здорово рискуешь, пытаешься поступить на службу в другой отряд. Мир наемников тесен, многие из них знают многих, и если опознают, то самое лучшее, что может тебя ожидать, – быть выгнанным на дорогу избитым и голым, и с таким количеством имущества, с каким ты появился на свет из утробы матери. Если же за тобой числятся еще какие-то грехи кроме дезертирства, то до ближайшего дерева тащить недолго. Петля захлестнет шею и тебя подтянут высоко и быстро, оставив хрипеть и дергать ногами в мокрых штанах.

Среди набранных людей были и конные, ехавшие следом за фургонами, и пешие, которые то шли пешком, то катили на задках телег, свесив ноги. Конных было всего шестеро, если не считать меня, и были кавалеристы в этом почтенном цеху «белой костью». Если рядовой рейтар получал за службу десять золотых в месяц, то пехотинец редко когда мог рассчитывать больше чем на пять. Десять платили еще разве что канонирам в батареях, да и то все больше наводчикам, остальной орудийной прислуге деньги капали как пехоте. Один такой канонир,

сорокалетний мужик с усами, переходящими в бакенбарды, и с руками, черными от вьвшего в них пороха и масла, дезертировавший из армии княжества Бюле, сидел как раз на телеге, что ехала рядом, и видно было, с каким почтением к нему относились остальные.

Через пять дней обоз вошел в земли славного города Римм, где к нему присоединился десяток конных и почти двадцать пеших ландскнехтов, а заодно еще пяток фургонов – достижение риммского вербовщика. Обоз уже и на обоз не был похож, а скорее напоминал отряд на марше, так много вооруженных людей шли рядом с телегами или ехали верхом.

В следующем городе, Улле, еще полтора десятка человек примкнули к нам, а заодно упряжка лошадей притащила новенькую, только из мастерской, полевую пушку. В Улле производством таких не меньше десятка домов занималось, во все княжества продавали.

Мало-помалу обоз приближался к последней цели своего путешествия, марке Ирбе, в замке правителя которой, маркграфа Борхе Дурного, квартировал в настоящее время барон Верген, снова поднявший знамя найма лихих людей по всем землям. Дикий да Дурной, те еще два друга, бычий хрен да подпруга. Они еще друг другу родственниками приходится, Дурной Дикому двоюродный дядя, что ли.

Ульская пограничная застава, расположившееся перед мостом добротное каменное укрепление, была укомплектована добрым взводом ландскнехтов в оливковой форме улльского пехотного полка, а вот за мостом, повисшим над глубоким оврагом с текущим по его дну маленьким ручейком, в не менее солидном укреплении, виднелись солдаты в серых мундирах, черных кожаных касках с козырьком и небольшим назатыльником, и с черными же витыми шнурами на плече – ландскнехты из «Могильных Воронов», полка, который Верген, невероятно обогатившийся на последних войнах, уже не распускал никогда, равно как и рейтарский полк «Волчья Голова». И которые, по факту, заменили собой Дикому его собственное войско, заодно сев на шею марке. К добру ли или худу для Борхе Дурного – не скажу.

Проверяли и досматривали на въезде внимательно, из обозных никто не протестовал. Затем, когда обоз с примкнувшей к нему кавалькадой всадников готов был тронуться с места, Арио Круглый громко объявил, привстав на стремянах:

– Идем по землям дружественным, давшим приют войску! Все слышали, оглоеды? Если кто будет замечен в грабеже или насилии над бабами – будет размышлять над своим поведением на виселице. Если же случится смертоубийство местного – казнь придумает барон Верген. А придумывать их он умеет. Все поняли? Не слышу?

– Все! Все! – загомонили ландскнехты.

– Ну-ну, я предупредил, – кивнул Арио, опускаясь в седло, и скомандовал: – Марш!

Ирбенская марка была невелика, путь до ее столицы – городка Ирбе, раскинувшегося неподалеку от замка Дурного маркграфа, занял всего лишь чуть больше суток. Зато было видно, что земля сия не бедствует. Перекрывая нижнее течение большой реки Сильной, выходящей в лиман, марка контролировала всю речную торговлю между Союзом городов и сразу несколькими северными княжествами, включая и Рисское. Заодно в широком и соленом лимане стояло множество солеварен, дававших Дурному маркграфу немалый доход.

И самое главное – на востоке марки раскинулась великая Угольная Яма, огромный карьер, откуда бесчисленные рабы и каторжники поднимали наверх целые горы угля. Разного угля. Иной покупали металлурги из Союза городов, иной шел на отопление и паровики. Сам этот уголь обходился Дурному Маркграфу так дешево, что он даже не смог избежать соблазна запретить в своей марке топить печи дровами в целях сбережения лесов и обязал всех покупать уголь, на который у него была монополия, естественно, с чего тоже завернул себе в кошелек еще один ручеек серебра. При таких ценах даже бедные люди могли себе позволить корзину-другую, а Борхе и их медякам рад был.

Все это между делом рассказал ехавший рядом Круглый, который в последние дни начал уделять мне заметно больше внимания, чем всем остальным.

Ближе к вечеру второго дня пути из-за леса, скрывавшего поворот дороги, показались могучие каменные стены фортов Ирбе. Город раскинулся на берегу реки, на совершенно плоской равнине, рассеченной целой сетью оросительных каналов. Каждый квадратный аршин земли был засажен и засеян, чего здесь только не росло. И апельсиновые рощи, и оливковые, и бесконечные поля кукурузы, уходящие к дальним холмам, и бахчи, и все, что только еще можно придумать.

Людей в полях особенно не было видно, полуденная жара всех разогнала на отдых до вечера, лишь изредка попадались сторожа с колотушками, гоняющие птиц, сидящие под навесами, чаще всего старики или дети. Мы спешили и вели лошадей в поводу, вроде как вываживали, хотя кони толком и не вспотели за дорогу в таком неспешном темпе.

Город все приближался, вскоре видны стали не только серые громады фортов, образующих систему его обороны, но и дома за ними, а между домами – люди.

Рядом с городом, на невысоком холме, сбился грудой могучих камней замок маркграфа – настоящий артиллерийский форт, окруженный еще и широким каналом-рвом. На такой глянешь и сразу поймешь, что правитель здешних мест не бедствует. Над ним уныло повисло на высоком шпигеле красно-черное полотнище местного флага, который ввиду безветрия сейчас было не разглядеть.

– Серьезная крепость, – сказал я с уважением.

– Серьезная, – подтвердил Круглый. – Лет десять назад большую осаду играючи выдержала. Про Угольную войну ты слышал ведь?

Слышал, кто же про нее не слышал? Два соседних княжества, зацепившись за какой-то сомнительный пункт старинного договора, нашли легальный, на их взгляд, предлог прибрать к рукам богатства Ирбенской марки. И вторглись с двух сторон немалыми силами в ее пределы, несколько тысяч пеших и конных при немалом количестве пушек. И даже притащили с собой осадный обоз.

Осадив Ирбе и замок, они простояли под его стенами почти шесть месяцев, не в силах превозмочь их укрепления. А осадной артиллерии удачно противостояли тяжелые крепостные пушки, которые не давали жить осаждавшим. В результате вместо молниеносной войны напавшие теряли силы в бесплодной осаде, после чего были выбиты за пределы территории армией ландскнехтов Дикого Барона, пришедшего на помощь богатому родичу. Да похоже, что с тех пор взявшего на себя власть в этих краях.

– А что вообще Дикий Барон себя верховным правителем марки не объявил тогда? – спросил я Круглого. – Они ведь и родичи вроде, так что даже наследственность какая-то наблюдается, да и сам Верген избытком доброты не знатен. Как так?

– Правильно мыслишь, но... не совсем, – ухмыльнулся Арио. – Тут ведь какое дело: Дикий Барон силен и знаменит не только своим войском, но и разветвленной родней, дающей, если надо, его войску зимние квартиры, например. А когда требуется, ссужающей и золотом, и провиантом, потому что за Вергеном долги не задерживаются, расплачивается сторицей с очередной войны. А если он своего родственника с престола столкнет, а не приведи Брат с Сестрой, еще и погубит, то... Надо продолжать?

– Не надо, думаю, – покачал я головой. – Тогда он рано или поздно окажется на враждебной земле, и негде будет найти приюта.

– Верно мыслишь. Поэтому ему удобней маркграфа было в полную зависимость поставить, но сохранить ему и престол, и привилегии, и доход, лишив только собственного войска.

– А что Дурной?

– Дурной понимает, как ложится пасьянс его жизни. И пока есть возможность каждый день пить из золота, есть на серебре, шупать самых красивых девок и выезжать на охоту, он счастлив. Хотя при этом не дурак, серебра умеет добыть из голой скалы, как даже южане-ростовщики не умеют. Прибыль видит в таких местах, где те проходят мимо, не поведя носом.

– Нужны друг другу, получается?

– Верно, так и получается. Вон, смотри, где полки стоят, туда и идем.

Действительно, по мере того, как дорога на изрядном расстоянии огибала маркграфский замок, нам открывался вид на длинный деревянный забор, над которым возвышались по углам караульные вышки, а по пыльной дороге, окружавшей периметр, ехал шагом кавалерийский патруль.

Затем мы увидели виселицу, с которой свисали три голых по пояс исклеванных трупа, возле которых сутились и дрались черные вороны. На нас пахло тленом и смертью.

– Кто-то не понял предупреждения, – сказал громко Арио. – Все из новых, даже портки у всех разные. Барон Верген сам шутить не любит и чужих шуток не понимает.

Никто не удивился, разве что некоторые покосились равнодушно. В наемных полках иных наказаний, кроме штрафа и «горбатой невесты», как принято называть виселицы, и нет больше. За мелкие провинности жалованья лишат, а за крупные, вроде невыполнения приказа, только «свадьба с горбатой».

Затем были ворота со шлагбаумом, крашенные в черную и белую косую полоску, такая же караулка возле них, откуда вышел важный десятник с черным прямым шнуром на плече, который принял от Круглого Арио какую-то сложенную бумагу, откозырял и жестом приказал обозу заезжать внутрь.

Полосатое бревно шлагбаума задралось вверх, снова затопали копыта и закрипели колеса, и наша колонна въехала на территорию пункта своего назначения. Телеги обоза сразу свернули налево, к длинным сараям, вытянувшимся вдоль ограды, а новых ландскнехтов Арио повел прямо, к большому плацу, раскинувшемуся в середине обширного войскового городка.

Городок войсковой был похож на иные подобные если не как две капли воды, то все равно очень сильно. Длинные каменные казармы, крытые камышом, конюшни, гимнастический городок – все это было для постоянного личного состава полков «Волчья Голова» и «Могильные Вороны». Вторую же часть городка занимали сооружения попроще, временные, где из плетней, землей набитых, а где и сколоченные из досок, для вновь нанимаемого пополнения. Тут и вместо конюшен были крытые коновязи, и вместо добротных коек через открытые двери были видны сколоченные нары с тюфяками. Да, в общем, и понятно.

Артиллерийский парк расположился в самом дальнем от входа краю городка, огороженный, с охраной на воротах. Отсюда были видны выстроенные в ряд орудия и бомбометы, стоящие под навесами и закрытые серой парусиной. Вдоль их ряда прохаживался часовой с винтовкой с примкнутым штыком.

Солдаты в разных частях городка тоже отличались, и в то же время были неуловимо схожи между собой. Полки Дикого Барона носили одинаковые серые мундиры с черными сапогами у кавалеристов или черными ботинками с серыми гетрами у пехотинцев, и черными же были как ремни с портупьями, так и каски из толстой кожи с лакированными козырьками и матерчатыми назатыльниками у кавалеристов, пехотинцы носили кепи. Вместо кокард у них были изображения сидящего на обелиске ворона или оскаленной волчьей головы в профиль, в зависимости от полка.

Новые люди, заполнившие вторую половину лагеря, были одеты кто во что. Кто в мундирах самых разных полков, кто просто в гражданском платье, а кто в дикой смести того и другого. Но и тех и других роднило одно – общий для всех тип бывалых людей, бойцов, повидавших и жизнь, и ее обратную сторону, то есть смерть. А у ландскнехтов к тому возможностей больше, чем у кого иного.

Дальше пошла суета приема пополнения, размещения его в «карантинной» казарме, из которой уже пойдет распределение дальше, по ротам, по умениям и званиям каждого. Кавалеристы устраивали коней у коновязи, согласно указаниям дневального, расседывали, накрывая попонами, затем, подхватив мешки с вещами и оружие, шли в казарму обживаться.

Мне достались кое-как сколоченные, но крепкие нары с ящиком для вещей под ними, и ружейная пирамида напротив – вот и все полагающееся пока жизненное пространство. Было шумно, топотно, лязгало железо, кто-то болтал, кто-то смеялся, в общем, заселялись.

Я выдвинул ящик из-под койки, быстро уложил в нем свое скудное имущество, затем пристроил карабин в пирамиду, а патронташ к нему повесил над ней на крючок, вбитый в стену.

– Эй, пополнение! – зычно гаркнул рослый усатый взводный в сером мундире, зашедший в казарму. – Вас на довольствие сегодня не ставили, так что пожрать можете сами, в кантине в полку или даже в городе. Но для тех, кто в город соберется, предупреждение – вести себя тихо, горожан не задевать, драться только между собой, без смертоубийства и увечий. Или пусть готовится к «свадьбе с горбатой». Завтра начнем распределять по ротам. А пока назначаю дежурного и дневальных, и если кто слово вякнет – получит в зубы. Служба уже началась!

Ну, это тоже трюк известный, с довольствием. Птичка по зернышку клюет, а сыта бывает, так же и интендант. На роту еду зажал сегодня, тут наэкономил, там еще чуть-чуть, и глядишь, встретит старость в хорошем домике с садом на берегу моря, в саду будут гулять павлины, а юные рабыни наливать вино в хрустальный бокал. Никто не возмутился, потому что другого и не ожидал. Интендантом быть и ничего не украсть – это как в бордель сходить и там молитвенник почитать.

Насчет «зубов» взводный тоже погорячился. Точнее, выпендрился. В ландскнехтских полках дать в зубы командир может разве что за совсем большое нарушение, на которое и товарищи косо смотрят. Мальчиков для битья в вольных ротах нет, можно и самому в обратную получить. Не зря же, как я сказал, тут всего две кары, после первой в обратку не дашь, а после второй и вообще все ставки со стола убраны.

А вообще кантина так кантина, деньги есть пока, а можно и в город сходить будет. Разве что сперва коня надо обиходить да себя помыть, а то по запаху так и не отличишь уже, где Кузнец, а где его всадник.

Вышел к коновязи, где уже собралось немало кавалеристов, занимавшихся своими лошадьми, обиходил Кузнеца по всему списку того, что может сделать благодарный всадник для верного коня. Возился с ним неторопливо, разговаривая и напевая, и не обратил внимания, как ко мне подошел и остановился за спиной среднего роса мужик с загорелым лицом, бритой головой и лихими кавалерийскими усами. Одет он был не в форму, а так, как любят одеваться всякие лихие люди непонятной профессии – в жилет с карманами-подсумками, дорогую рубашку с закатанными рукавами под ним, в бриджи с кожей на коленях и дорогие рыжие кавалерийские сапоги без шпор. На бедре и на груди наискосок в кобурах покоились два револьвера с рукоятками из дорогой кости.

Руки он сложил на животе, зацепив большими пальцами за широкий ремень, и я обратил внимание на причудливую татуировку на тыльной стороне правой – изогнутый кинжал, который несет в когтях раскинувшая крылья сова. Не видал таких покуда.

– Мир тебе, – вежливо поздоровался он и затем спросил: – Не ты ли взводным Арвином будешь?

– И тебе мир, – кивнул я. – Я и буду Арвин.

– Круглый Арио с тобой в кантине поговорить хочет. Как с конем закончишь, так и подходи.

Просьбой это не было, разумеется, так что мне осталось лишь пообещать прибыть, как только переоденусь, с конем я уже закончил на самом деле. Усатый кивнул, затем сказал:

– Меня здесь как Ави Злого знают. Или просто Злого. В кантине спросишь, тебя проведут.

Развернулся и пошел, твердо ступая чуть кривоватыми ногами. Серьезный мужик, таких сразу чувствуешь. Впрочем, если он у Арио на подхвате, то с ним все понятно, тот других и не должен возле себя держать. Интересно только, что ему от меня понадобилось.

Длинный умывальник с рычажками-клапанами стоял за казармой, и многие там не только умывались, но и, раздевшись догола, поливали себя из ведер. Место тут сугубо мужское, стесняться некого, женщин в воинские городки не пускают. В общем, тут я помылся нагретой под дневным солнцем водой, которая стала такой теплой, что даже освежиться толком не удалось.

Гарнизонная кантина занимала отдельное здание неподалеку от главного входа в городок, здание, больше похожее на гигантский сарай с каменными стенами. Камышовая крыша лежала на мощных деревянных стропилах и сейчас терялась в темноте – не слишком многочисленные лампы свисали низко, освещая только столы. Дальний конец большого помещения был отгорожен, и оттуда несло запахами кухни.

Зал же был уставлен длинными столами, возле которых стояли такие же длинные лавки. Так всегда делают в тех местах, где драки часты и не хочется, чтобы при этом мебель ломали. Что стол такой, что лавку – с места не сдвинешь, не говоря уже про то, чтобы сломать.

Но вообще в таких местах буйства особого не бывает, разве что обычные драки от избытка удали и лихости, какие командирами даже поощряются, на лучших бойцов ставки делают. Кантины обычно принадлежат тем, кто нанял всю эту свирепую армию, таким образом наниматели понемногу возвращают себе заработки своих наемников, да еще подчас затаскивают тех в зависимость, наливая в долг и устраивая игры в карты и кости. Ну а раз хозяин этой кантины сам Дикий Барон, пробовать на зуб прочность правил, установленных им лично, охотников быть не должно.

Былолюдно, шумно. Несколько компаний сгрудились в дальнем от входа конце зала, слышался гомон, звон кружек, время от времени перемежаемые хохотом. Были среди них и те, с кем я шел из Рюгеля, были и новые лица, те, наверное, что дожидались обоз в Римме.

подавальщиками в кантине были шустрые подростки, носившиеся с целыми гроздьями кружек между столами, собирая медяки и серебряки и шустро отсчитывая сдачу из висевших на поясах кожаных кошель или записывая имена тех, кто пьет в долг. Неграмотных на такую работу не брали.

Женщин не было, таков устав и таковы правила. Хочешь женского общества – иди в город, ворота открыты, а тут – никак. Оно и правильно, а то как потащат дев распутных прямо по казармам, так и всей службе конец.

Меня увидели, кто-то из ландскнехтов замахал рукой, только я так и не разглядел в полумраке, кто именно. Но я остановил пробежавшего мимо подавальщика и спросил:

– Мне бы Ави Злого найти. Проведешь?

– Не могу провести, хозяин по шее даст, – замотал тот головой, – но Злой вон там сидит, за левой дверкой.

Действительно, в дальнем углу зала несколько маленьких загончиков было огорожено от остального зала низкими деревянными стенами. Я сразу их и не разглядел. Не кабинеты, а так, отдельные круглые столы, стоящие наособицу, и за одним из них тесно сидела компания мужчин. Среди них я разглядел Арио, Злого и еще трех человек, одного из которых я сразу опознал как вольного.

Когда я подошел, Злой указал мне рукой на свободный стул, сказав:

– Садись, разговор есть.

Я поздоровался со всеми разом, уселся, с грохотом придвинув тяжелый стул по глинобитному полу.

– Отдохнул немного с дороги? – спросил меня Арио, наливая в пустую кружку красного легкого вина. – Готов о делах поговорить?

– Почему не поговорить? – пожал я плечами. – Давай поговорим.

– Знакомся, – сказал он, указывая на вольного, высокого, плечистого, седого, хоть и не слишком старого.

Случалось мне его раньше видеть, хоть и не общались. На сборах видел и на торгах. Только седым он таким тогда не был, и в глазах не было такой мрачной злобы и задавленной тоски. Такая бывает разве что у медведя на цепи, который знает, что сейчас сила не на его стороне, но рано или поздно нужный момент наступит, цепь оборвется, и он тогда свое возьмет. Да и у меня, небось, вид такой же.

– Взводный Арвин я, – представился я, протягивая руку. – Из городка Первого полка, первого эскадрона.

– Во Втором полку десятником был, Ниганом меня зовут, – ответил и он, пожимая мою руку. – Как жив остался?

– Попустительством богов, – ответил я. – Забирать меня отказались, оставили здесь за семью и родню плату взять. А ты как?

– С донесением нас троих отправили, тем и спаслись, – ответил он, а затем добавил: – Семьи вот не спасли, так что дела у нас те же, что и у тебя, взводный Арвин. Со мной молодых двое, но они в казарме сейчас.

Ну, молодым тут и не место, как я понимаю, Арио только старших позвал, к серьезному разговору, видать. Он дал нам перекинуться еще парой слов, затем заговорил сам:

– Ваших больше будет, как мне уже сказали. Кто-то в бою жив остался, как Арвин, кто-то в другом месте был во время того разгрома. Кто-то даже семьи вывезти сумел. Поэтому решил я из вас отдельный отряд собрать. И барон Верген к тому возражений не имеет. Пусть там чуть больше взвода поначалу будет, но все же отдельный.

Ниган и я слушали молча, глядя на него, а вот сидевшие с ним люди смотрели на нас. Выглядели они почти близнецами, хотя даже родственниками не были наверняка. Высокие, плечистые, сильные, удобно и практично одетые, к тому же и недешево, с хорошим оружием. У одного поперек лица шрам ножевой, у другого на левой руке след сильного ожога.

– Сам отряд пока к «Волчьей Голове» принадлежать будет, рейтарскому полку, но подчиняться будете мне, – сказал он и добавил усмехнувшись: – Приказчику.

– Если приказы будут умные, то почему и нет? – сказал я.

– Приказы будут... нужные, – ответил он после паузы. – Для дела нужные. Но некоторые будут такими, что... забыть, например, о них сразу надо будет, после того, как дело сделано. Или попрошу сделать такое, что честному воину и не к лицу вроде как.

– Это что же за приказы такие? – спросил Ниган. – Баб да детишек рубить?

– Баб да детишек рубить – войне не поможет, – ответил Арио. – Да и что такое бабы да детишки? Когда рейтарский полк в город вламывается, многих они щадят? Часто про солдатскую честь вспоминают? Это вы, вольные, все больше со степняками резались, вот и вышло так, что воевали с воинами, а до баб и детишек не добирались. Разве что кочевники изредка. А когда воюют в княжествах, где что ни шаг, там деревня или городок... Ту же Северную войну вспомнить, виселиц больше, чем тополей вдоль дорог было. Да не о том речь, – махнул он рукой.

– А о чем?

– Ты, десятник Ниган, войны с Валашским княжеством хочешь? – спросил Арио.

– Не хотел бы – здесь бы меня не было, – сдержанно ответил тот.

– Вот и будешь ты делать то, чтобы эту войну начать. И начать так, чтобы союзников у Орбеля Второго было меньше, а врагов – больше. И если надо будет для этого в мундиры валашских лейб-драгун одеться и устроить резню в тихом месте – ты это сделаешь. Или нет?

Ниган вздохнул тяжело, затем, подумав, кивнул:

– На мне долг кровавый, по нему платить надо, с процентами.

– Будем считать, что это «да», – усмехнулся Арио. – А вообще мне одного слова мало. Даже от вольного, хоть в хитриванах вы не числитесь. Мне страховка нужна, в торговом деле без нее никуда, а я ведь приказчик.

– И? – спросил я.

– Это Злой, – сказал Арио, указав на того, кто пригласил меня сюда. – А вот это Тесак и Голодный.

Так он представил сидящих рядом с ним вооруженных мужчин. Те поочередно кивали головами, когда он называл прозвище каждого. Тесаком звали того, кто со шрамом на лице.

– Злой с его ребятами работают на наш торговый дом, – неуловимо улыбнулся Круглый, подчеркнув иронию, – охранниками. И у них есть работа, в которой вы двое могли бы им помочь. Сделаете как надо – будем считать, что страховка появилась, дальше проще будет.

– Убить кого? – спросил я.

– Убить, верно, – кивнул Круглый. – Для пользы дела. Кого – вам пока знать рано, страховкой договор мы пока не заключили. Так что если надо оружие взять, или что другое – прямо сейчас идите, времени терять не будем. А если не хотите, то допивайте вино и идите в казарму. Вас завтра по эскадронам распределяют, и общаться только с командирами будете. Выбор ваш.

Это понятно, что наш. Что бы человек ни думал, но выбор всегда есть, и он всегда за ним. Бывает такой, что ни единого просвета, и куда ни кинь, там везде исход плохой, но все же есть. И свой я уже сделал заранее, еще тогда, когда заметил особое внимание Круглого к себе. Я ведь не совсем дурак, чтобы не понимать, куда приведет дорога с таким попутчиком. Приведет она в дебри такие, откуда и обратного ходу не будет. Пришел и пропал. Но я же понимал и другое, что путь к цели с ним куда короче. К настоящей цели, к Орбелю Второму и тем, кто там рядом с ним. Потому что Круглый Арио тоже понимает, зачем мы к нему в союзники идем. Даже не в союзники, это я себе польстил – в подручные. Подручные и у палачей есть, тем без них никак.

– В городе? – уточнил я.

– Карабины не понадобятся, – правильно понял мой вопрос Злой. – С револьверами пойдем. И кони не нужны, подвезут.

– Тогда у меня все с собой.

– И мне брать нечего, – добавил Ниган.

– Тогда пошли, чего ждать, – вздохнул Злой, поднимаясь на свои кривоватые ноги. – За мной давай.

К удивлению моему, пошли мы не к выходу, а на кухню и оттуда через подсобную дверь в темный задний двор. Затем тропинка между двумя складами, ворота, старательно отвернувшийся часовой. Тропа через кусты, опускающиеся сумерки, колея в кустах, там же фургон, запряженный парой. Мрачный возница с бородой, перебирающий вожжи в руках, рядом с ним еще один человек, лица из-за шемаха не видно. У них за спиной лежат карабины, только руку протянуть.

– Давай внутрь и не высовываться, – негромко сказал Злой, показывая на повозку.

Откинули сзади полог, полезли по одному. Едва последний, которым был Голодный, перевалился через борт, фургон тронулся с места. Смазанные колеса не скрипели, лишь глухо постукивали в высушенную зноем землю копыта лошадей.

– Так, значит, – послышался голос невидимого в темноте Злого. – Скоро подъедем к усадьбе, перелезем с фургона через стену. Войти в дом и всех убить, кого встретим. Главное – быстро шевелиться. Идете по двое, Арвин с Тесаком и Ниган с Голодным, я за главного и вроде как резерв. Не убивать только одного – мальчишку лет четырнадцати, если попадется – можно ранить, не насмерть, чтобы жил. Он один уцелеть должен, понятно? И сразу меня звать.

– А кто в доме будет? – глухим голосом спросил Ниган.

– А кто бы ни был, – холодно ответил Злой. – Или передумал?

– Мне передумывать поздно.

Голос Злого чуть смягчился.

– Прислуги человек шесть, охранников двое, отец семейства, жена, про мальчишку упомянул. Собак не будет, хозяйка лая не переносит. Все.

Он сделал паузу, явно ожидая, что кто-то из нас начнет интересоваться тем, кого убивать едем. Но я спрашивать не стал – если секрет, то все равно не скажут, если кто важный – так и так потом узнаем, а если не секрет, то скажут и без вопросов, это может быть важным.

– Как закончим – выходим через главный вход, фургон там будет. На нем и уйдем. Если получится с ножей начать – совсем хорошо будет, чем меньше шума, тем лучше. А вот под конец пошумим, нам внимание привлечь надо. Вопросы у кого?

Все промолчали.

– Морды шемахами замотать не забудьте, – закончил свою речь Злой.

9

В саду, в который мы попали через стену, перебравшись с фургона, нашелся сторож. Похоже, что он задремал и проснулся лишь тогда, когда несколько человек с укрытыми лицами спрыгнули со стены на мягкую траву. Охранник опешил, потянул с плеча карабин, но сделать уже ничего не успел. Убил его я, метнув кинжал и угодив в глаз. Он даже не дернулся, свалившись мешком в кусты роз, лишь ветви затрещали.

– Хорошо, – одобрил Злой. – Второй охранник в доме быть должен, где-то на первом этаже.

Я выдернул нож, который пошел с сопротивлением, голова убитого даже поднялась с земли, затем вытер лезвие, воткнув пару раз в землю.

Огляделись – больше никого не было.

Особняк стоял в дальнем от нас краю сада – широкий, темный, богатый. В двух окнах второго этажа горел тускловатый свет, еще пара окон светилась и на первом.

– Там справа, где огонек, на кухню задняя дверь, – прошептал Злой. – Туда пошли. Как войдем, так Арвин, Тесак – сразу налево, там лестница. Бегом на второй и всех подряд, кроме мальчишки. Можно уже шуметь. Ниган, Голодный – всех, кто на первом.

Прижимаясь к стене и стараясь оставаться в ее тени, гуськом подобрался к дому. Никто нас не видел, никто не поднимал тревоги. Похоже, что жили здесь беспечно, беды не ожидая. Марка Ирбе вообще спокойным местом слыла, а уж ее столица так и подавно. Был в саду сторож – за глаза хватит. Но не хватило вот.

Голодный позвенел чем-то негромко под дверью, затем щелкнул отомкнутый замок, дверь отворилась, даже не скрипнув хорошо смазанными петлями. За ней был тесный тамбур и снова дверь, уже вторая. Тускло сверкнуло в свете луны лезвие ножа, который вытащил Голодный.

Вторая дверь открылась тоже бесшумно, за ней оказался темноватый коридор, в котором заметно пахло кухней. Справа, в конце коридора, была открыта дверь, из которой на каменный пол падал прямоугольник света. Из-за двери доносились негромкие голоса, вроде бы и мужские, и женские. Похоже, что прислуга собралась на вечерние посиделки. Туда тихо, стараясь не шуметь, пошли двое.

Слева же была дверь, граница владений слуг. Злой толкнул ее, жестом пропуская нас.

Второго охранника искать долго не пришлось – он сидел на скамейке в просторном холле, возле столика со свечой, и что-то читал. Выстрелил в него Тесак. Быстро выстрелил, мгновенно прицелившись. Грохнуло глухо, сверкнула вспышка, в свете свечи капли крови, брызнувшие из пробитой головы, показались яркими и сверкающими, как рубины.

– Бегом! – крикнул Злой, махнув рукой в сторону лестницы, а из коридора, со стороны кухни, вперегонки загрохотали выстрелы.

Лестница была неярко освещена лампами, приткнувшимися на повороте перил на медных столбах, звук шагов гасила ковровая дорожка. Мы бросились наверх бок о бок, разбежались на площадке в разные стороны, снова рывок, уже порознь – перед нами многостворчатая дверь со стеклянным витражом. Протянул руку к рукоятке – тут она сама открылась, и за ней оказался высокий седой мужчина в красном халате, держащий в одной руке масляную лампу в стеклянном колпаке, а во второй, той, что тянула дверь, – небольшой револьвер.

Мы выстрелили одновременно, он свалился назад, выронив светильник. Струйка масла выплеснулась на ковер, по ней побежали маленькие язычки пламени. Я успел увидеть, перепрыгнув через труп и пробегая дальше, как Злой начал затаптывать их сапогом – пожар в его планы не входил.

Тесак побежал по длинному коридору направо, поочередно открывая все двери и заглядывая в комнаты, а я пошел налево. Потянул первую дверь, заглянул – кабинет и библиотека. Большой стол, за ним кресло, полки вдоль всех стен, сверкающие корешками книг. Отсюда, похоже, и был виден свет.

Послышался женский крик, оборвавшийся парой выстрелов, прозвучавших так часто, что почти слились в один. Мне как по сердцу резануло, зубы сжал так, что крошиться начали, сам себе сказал: «Орбель». Он цель, к нему иду, к крови через кровь, хоть и невинную.

Снизу хлопнули еще два выстрела, затем стрельба стихла. Слышно было, как Тесак распахивает двери и обыскивает комнаты, негромко ругаясь. Я тоже переходил из одной в другую, выискивая мальчишку, заглядывая за столы, диваны, открывая шкафы. За библиотекой был игровой салон с зелеными ломберными столами, гостиная с роялем и клавесином, столовая...

Мальчишка прятался за шкафом с серебряной посудой, стоя, прижавшись спиной к стене. Когда я приблизился к нему, еще не заметив, нервы у него не выдержали. Закричав что-то нечленораздельное пронзительным фальцетом, он сначала бросился на меня, зажав в тощей руке какой-то нож, а потом, усомнившись в своих силах, вдруг резко свернул, бросился к двери – и наткнулся на Злого, как раз забежавшего в дверь.

Послышался звук удара по лицу, крик, короткая возня, затем я увидел, как Злой волочет мальчишку к окну, схватив за грудки и сжав его одежду в кулаке. Татуировка с кинжалом в когтях совы была у жертвы прямо перед глазами.

Сбив мальчишку с ног, Злой прижал его коленом к полу, почти усевшись, что-то сказал негромко, затем выдернул из ножен длинный узкий кинжал и дважды ударил свою жертву в грудь. Так ударил, что я сразу понял – не убил. И сразу тот не умрет. Крови потеряет, рана тяжелая, но умереть сразу не сможет.

Подхватив стул, Злой с размаху швырнул его в высокое арочное окно. Со страшным звоном стекло посыпалось на улицу.

– Давай, – прошептал почти что одними губами Злой, обращаясь ко мне. – Не насмерть, одну пулю. Пусть думают, что боги спасли.

Я выстрелил в мальчишку бездумно, как в чучело, как в мишень – в сознании словно замерзло все. Просто прицелился так, чтобы тяжелая револьверная пуля вскользь по ребрам прошла, – и выстрелил. В свете вспышки увидел кровь, уже пропитавшую белую рубаху из тонкого шелка, такое же белое лицо, черные спутанные волосы. А потом мы ушли. С топотом выбежали из дома на парадное крыльцо, выбив еще одно стекло, выстрелили пару раз в небо для того, чтобы точно поднять переполох в этом тихом месте, где вразброс, среди парков и рощ, были тихие богатые особняки с садами, а затем заскочили в фургон, укрывший нас во тьме. Из тьмы пришли и во тьму вернулись.

Молчаливый возница хлестнул коней, и мы понеслись прочь от разоренного нами дома, от убитых людей, слыша, как заливаются где-то вдалеке свисток городской стражи. Уже привычный звук, еще с вольного города Рюгеля.

10

Злой тер остро пахнувшим крепким вином руку, стирая с нее татуировку, оказавшуюся нарисованной. Арио, явно довольный, что-то напевая, отсчитывал монеты из кожаного кисета, раскидывая их на столе на несколько кучек.

– Не надо мне, – сказал Ниган, тяжело вздохнув. – За кровь золото брать не привык.

– А ты привыкай, – усмехнулся кривовато Круглый. – Что думаешь, ты перед богами грехи тем самым замолил? Убитых воскресил? Что доказать хочешь?

Ниган побагровел от злости, но промолчал, бросив на меня растерянный взгляд. Арио тоже уставился на меня, явно ожидая каких-то слов. Злой насторожился, а вместе с ним и его двое подручных. В темной задней комнате трактира, в котором мы встретились с нашим «приказчиком», воцарилось недоброе молчание.

– Бери, Ниган, – сказал я ему. – Можешь потом сиротам раздать, а сейчас возьми, как я возьму.

– Это зачем?

Десятник дышал хрипло и тяжело, я видел испарину на его загорелом лбу, волосы прилипли.

– А чтобы ты точно знал, кто ты теперь есть, – ответил я ему. – Чтобы сам себя не обманывал. Чтобы понимал, какой путь мы выбрали. Чтобы знал, что через кровь пошли.

Нигана словно под дых ударили, настолько болезненно он сморщился. Мне тоже было тошно до того, что хотелось выхватить из кобуры револьвер и стрелять в тех, кто сидел рядом, но я понимал – это уже ничего не исправит. И не изменит. Я выбрал свой путь, я знаю, зачем по нему иду. Остановлюсь – кровь моей семьи впитает земля навсегда, и не будет по этой крови расплаты. Поэтому я пойду дальше, какими бы путями темными мне идти ни пришлось.

– Возьми золото, Ниган, – сказал я ему. – И впредь бери, а дальше с ним как хочешь, твоя воля.

Десятник сидел неподвижно с минуту. Потом протянул руку и сгреб монеты со стола.

– Для войны себе купи что-то, – сказал вдруг Арио. – Тогда стесняться не надо будет. Ладно, отдыхайте. Можете здесь, в трактире заночевать, тут комнаты есть.

Тут он прав был – идти среди ночи в воинский городок по местности, где не бывал ни разу, – мысль неудачная, надо хоть света дожидаться. Сам Арио вообще, как выяснилось, при этом трактире проживал, равно как и его подручные. Когда золото было роздано, все встали, вышли в трактирный зал, заполненный наполовину, и все больше смертельно пьяными, – было поздно, и люд рабочий по домам разошелся, остались допивать лишь бездельники и самые последние забулдыги.

Пахло разлитым вином, подгорелой едой с кухни, сонный трактирщик сидел за своей стойкой, устало привалившись спиной к винной бочке. Едва я подошел к нему, он вскочил, угодливо глядя в глаза – Арио и тех, кто с ним, он явно побаивался.

– Мир вам, уважаемый, – поприветствовал он меня. – Чем могу?

– Вина дай и поешь что-нибудь.

– В момент исполню, – сказал он мне уже в спину, когда я шел к столу.

Сел у темного грязного окошка, попытался выглянуть наружу – ни демона не видно. Ни огонька.

Трактирщик через минуту подбежал, поставил передо мной блюдо с двумя большими кусками мяса на хлебе и оловянный кувшинчик с красным вином, присовокупив к нему такой же оловянный стакан. Получив монету, закивал благодарно и вернулся на свое место.

Я заметил Нигана, усевшегося за стол тоже в одиночестве, наедине с кувшином куда побольше моего. Может, пусть так, глядишь, и зальет вином ненужные мысли, забудет на вечер

о том, кем он становится. А я забывать не хочу, мне точно надо знать, кто я такой и кем становлюсь. Если самому себе лгать, то уже в самую последнюю очередь, хотя именно себе больше всего наврать и охота. Сказать, что убили мы сегодня, наверное, врагов. Может, и так, только мне это неведомо. Знаю только, чувствую, что этими трупами не закончится, мы ведь туда пришли для того, чтобы приблизить войну, чтобы трупов было больше. Я это знаю. И знаю, что для мести моей есть только такой путь, как сейчас, – кривой и через грязь. И кровь.

Сон

Небо над полем было затянуто облаками, свежий ветерок волнами колебал высокую траву. Она шуршала, вроде бы и тихо, но заполняя этим тихим шорохом весь мир. Было прохладно, даже зябко.

Дети, все трое, сидели на песчаном языке пляжа, вдававшегося в излучину реки, задумчивые, подтянув колени к груди и положив подбородки на руки. Они смотрели на воду, на сухие листья, сорванные ветром и упавшие в реку, которые теперь, словно крошечные челны, несло течением. Дим держал на руках кота, прижимая его к себе, и кот заметно беспокоился.

Жена стояла на пригорке и смотрела, придерживая волосы рукой, куда-то в сторону темнеющего горизонта, словно ожидая кого-то с той стороны и беспокоясь, сумеет ли тот уйти от приближающейся непогоды. Ветер развеивал подол ее простого полотняного платья, время от времени задирая его до середины бедра и открывая сильные, загорелые ноги.

Меня там не было, я лишь мог видеть, но не мог присутствовать. Я не мог заговорить, не мог обнять, не мог даже посмотреть с другой стороны, лишь вот так, словно подвижную картину разглядывать.

Какую-то тревогу нагоняло это все, словно что-то нехорошее должно было прийти. Но не к ним, я этого не чувствовал, они были в полной безопасности у этой степной реки, беда должна была прийти куда-то еще. Большая беда.

11

Утром я проснулся от шума. Кричали люди, много людей. Время от времени слышались свистки городской стражи, где-то сыпалось выбитое стекло, живо напомнив о вчерашнем убийстве.

– Что там? – спросил я у стоящего в дверях трактирщика, вглядывающегося в скопившуюся в конце улицы толпу.

– Охрана валашского посланника ночью зарезала двоюродного племянника Дурного, с семьей и прислугой, – ответил тот, не оборачиваясь.

– Откуда узнали?

– Сын выжил, мальчишка, не добились случайно, защитили Брат с Сестрой. Узнал одного.

– И что теперь?

– Народ особняк посланника громить кинулся, те насилу отбились. Теперь там городская стража и «воронов» отряд пришел, оцепили.

– А что оцепили-то?

– Так посланник же, нельзя его, неприкосновенный, – явно с сожалением ответил трактирщик.

У меня аж спина заглодела. Сразу представилось, как от нас с Ниганом быстро избавляются.

– Как думаешь, что будет? – спросил я.

– Кто его знает, – пожав плечами, ответил трактирщик.

В этот момент в зале появился Круглый, позвал жестом, увлек в дальний угол, к столу, что притулился за высоким каменным боком печи. Сел, предложил сесть напротив, сказал:

– Хочешь на золотой поспорить, что я знаю, о чем ты думал?

Его маленькие холодные глаза, так противоестественно смотрящиеся на круглом ухмыляющемся лице, уперлись прямо в мои.

– На деньги не спорю, – усмехнулся я, не отведя взгляда. – Не везет мне в таких спорах.

– И сейчас не повезло бы, – усмехнулся он. – Если бы от тебя избавиться хотели, то зарезали прямо в фургоне, в темноте. Мне люди нужны надежные, – помолчав, добавил он. – Большие дела впереди, с наличными силами не справиться. Понимаешь меня?

– Понимаю, – кивнул я.

Ну, что же, так тоже быть может. Завязали они нас на себя так, что не отвяжешься теперь. Да и верно то, что планов у них много, это я и сам понимаю.

– Раз понимаешь, так идите в полк, займитесь службой. Вскоре снова понадобится, уже надолго и всерьез. Впрочем, сейчас вместе пойдем, чтобы у вас проблем не было.

На этом разговор с ним закончился, оставив некий непонятный осадок в душе. Арио вроде как намекнул, что ночью сегодняшней было только начало, а все основные «подвиги» впереди еще.

С конюшни привели оседланных лошадей, для Круглого со Злым и для нас с Ниганом. Тесак и Голодный сегодня не показывались, может, их здесь уже и не было. Я взобрался в седло сильной рыжей кобылы, немного взбрыкнувшей подо мной, но быстро успокоенной. Тронули коней, сразу разбившись на пары, причем рядом со мной оказался Арио.

– Из вольных, как я сказал, отдельный взвод будет, – заговорил он так, словно продолжая ранее прерванный разговор. – Разведка, дозоры, партизанщина. Не только ваш взвод, таких несколько сбивают, из разных людей. Пока сотней будете, дальше посмотрим. Командиром к вам Хорг Сухорукий, слышал про такого?

– Не довелось, – покачал я головой.

– Хотя и верно, откуда вам в вашей степи слышать было, – усмехнулся Круглый. – Из горцев человек, но уже лет двадцать как в вольных ротах. Во время Угольной войны был у Дикого Барона, с сотней горцев чуть не половину вражеских обозов разбил и командование всей осадной артиллерии однажды вырезал. Тогда и Сухоруким стал, ему в рубке на левой руке сухожилие подсекли. Известный человек.

– Верно, есть такие у горцев, – нейтрально ответил я. – Много воюют, люди опытные.

– Такой и будет, – подтвердил Круглый. – А подчиняться будете опять же мне. Дикому Барону тоже, разумеется, но если я что-то скажу – это как глас с небес.

Я ничего не ответил.

Кони шли шагом, дорога вела через город. А в городе явно назревали беспорядки. Большая толпа стояла возле особняка за высоким решетчатым забором – красные лица, злые, все больше пьяные. В руках у многих палки, лопаты, камни. Оружие верноподанным низкого звания здесь не полагалось, так что в этом особняку повезло. Над особняком уныло повис в знойном безветрии флаг Валаша и рядом с ним – вымпел князя.

Двор посольства камнями забросан, в окнах ни одного целого стекла. Вдоль забора вытянулась цепь «Могильных Воронов», уставивших в сторону толпы сверкающие штыки на длинных пехотных винтовках. Вдоль их строя прохаживался взводный, заложивший руки за спину и мрачно поглядывающий в сторону горожан.

На пыльной мостовой были видны следы крови, причем немало. Большая ее лужа сверкала и на посольском крыльце – там тоже кому-то досталось. Кровь уже начала спекаться, превращаясь в студень, над ней жужжали мухи.

Арио проехал мимо толпы с каменным лицом, не проявив никаких эмоций. Я скосил глаза на Нигана – тот явно чувствовал себя нехорошо, понимал, откуда все безобразия пошли. Да и мне понемногу понятна становилась если не вся схема, то ее часть. Интересно было лишь узнать, в каких отношениях был Борхе Дурной со своим покойным родственником и выиграл он что-то в результате убийства или проиграл?

Одним валашским посольством дело не ограничилось. По мере того как мы приближались к Храмовой площади, бывшей центром Ирбе, приближался и шум. Грохот, крик, свистки, пару раз хлопнули револьверные выстрелы. Пронеслась пароконная коляска с перепуганными дамами, которой правил не менее испуганный кучер, нахлестывающий лошадей. Метались люди, затем навстречу нам пробежал какой-то оборванец, зажимающий руками голову, с которой чуть не ручьем лила кровь, оставляющая следы на пыли. По поперечной улице проскакал разъезд из «Волчьей Головы», лица рейтаров были злы.

Храмовая площадь широка, просторна, грязна и запружена мечущимися по ней людьми. Чиновники городской стражи, размахивая дубинками, силились разогнать толпу, выносившую из храма утварь и растаскивающую во все стороны. Мародеры были обоих полов: и мужчины, и женщины, хватало даже детей. Все орали, свистели, какой-то полицейский чин, забравшись на подножие массивной храмовой колонны, что-то кричал, но голос его совершенно терялся за шумом. Тогда он дважды выстрелил в воздух из револьвера, что держал в руке, но на выстрелы никто не обратил внимания, разве что самые ближние к нему люди испуганно шархнулись в стороны.

– Храмом монофизитствующий правит, высокосвященный Ларде, – усмехнувшись, пояснил Круглый Арио. – Сам из графства Свирре, но в Ирбе за полномочного посланника валашского клира. Сам не пойму, как люди додумались и храм громить, не иначе подсказал кто. Почему охрана посланника на убийство пошла – понятно, покойный Ролт посланника Арнеля недавно публично оскорбил, а вот с высокосвященным неожиданно вышло.

При этих словах Арио ослабился, довольно-таки злорадно. Я даже догадался, кто мог мародерам подсказать.

Между тем крики с противоположной стороны площади усилились, превратившись из торжествующих в панические. На площадь с двух сторон ворвались конные рейтары, размахивая плетью. Серебряные волчьи головы на их шлемах сверкали под солнцем как ртуть, ухоженные кони лоснились, плети мелькали как молнии. Толпа шарахнулась сначала в одну сторону, затем в другую, за навесами маленького рынка, что был в середине площади, началась давка, кто-то истошно, на одной ноте, кричал.

– Что дальше будет? – спросил я.

– Кто знает, кто знает, – ответил Арио не очень искренне. – Борхе Дурной теперь сможет претендовать на медный рудник как раз на границе Свирре, раньше его племянник наследовал место.

– Мальчишка же выжил?

– Выжил, верно, – кивнул Круглый. – Его их владетельное сиятельство Борхе взял уже под свою опеку. Вместе с имуществом, разумеется. Но я уверен, что радость от обладания этим имуществом не сможет заглушить скорби от утери родственника, пусть и не слишком любимого.

Говорил об этом Арио с каким-то даже благочестивым выражением лица, больше всего напоминая хорошо отобедавшего монаха из монастыря с не слишком крепким уставом.

– А рудники где? – спросил я.

– В том и трудность, что рудники в Свирре. Но у самой границы. Раньше с двух сторон были, но отсюда медь выбрали всю, а главные жилы идут дальше, в графство.

– Это откуда высокосвященный?

– Верно. А кому Свирре подати платит, говорить надо?

– Орбелю?

– Верно, – кивнул Арио. – С тех пор как граф Палло умер, а наследник женился на валашской княжне, да тоже как-то вдруг умер, там наместник валашский правит всем, Бегоц. Но такому счастью не все рады. Верхушка, к которой и высокосвященный принадлежит, за доходы свои боится, поэтому все терпит, а владельцы поменьше, особенно те, кто к крови Палло относятся и кого Бегоц насухо выжимает, готовы на что угодно, чтобы из-под валашской руки выскользнуть.

– Но все же мы пока больше о Борхе Дурном и Вергене Диком заботимся, а не о княжестве Рисс? – уточнил я.

– Княжеству нужны союзники. А князю – помощники.

На этом он замолчал, а я дальше не спрашивал. Он сказал достаточно, а я достаточно понял.

Рейтары теснили толпу с площади, какой-то священник с разбитым лицом и кровью, пропитавшей всю бороду, стоял на храмовом крыльце, покачиваясь, а его с двух сторон поддерживали под руки городские стражники. Беспорядки закончились быстро, едва начавшись, но подумалось мне, что мы ночью стронули такой камешек, который увлечет за собой целую лавину.

12

Хорг Сухорукий был невысоким худощавым человеком, одетым скромно и доброту. Дорогим было лишь оружие на нем – длинный рейтарский револьвер, короткий револьвер и узкий кинжал в отделанных золотом ножнах. Внешности известный сотник был тоже неприметной – лысоватый, узколицый, с небольшими светлыми усами. Искалеченную свою руку он постоянно держал полусогнутой. Ладонь была затянута в черную кожаную перчатку, что делало ее больше похожей на протез. Ходил он быстро, движения были скупыми и точными, и вглядываясь сотник в людей цепко, словно сразу до самой сущности через оболочку добраться желая.

Сейчас он собрал взводных в своей палатке и говорил нам, наконец, что же от нашего отряда потребуется.

Тут следует сказать, что наша сотня, собранная в воинском городке полков Вергена Дикого, покинула его почти сразу, по приказу все того же Круглого Арио, и маршем, в сопровождении небольшого обоза, пошла в сторону границы с графством Свирре. И всего в десяти верстах от нее мы расположились лагерем, в палатках, и только там состоялись окончательно как отряд. Похоже было, что Круглый Арио, «приказчик купца Зарама», старался нас как можно быстрее увести от остальной армии, словно скрыть стремился. Хотя, похоже, что именно это и было у него на уме.

Сотня собралась из четырех взводов, в основном не штатной численности, а чуть побольше, поэтому и сама могла именоваться «полуторасотней». Был взвод вольных, команду над которым принял я, а Ниган вступил в командование первым десятком. Было два взвода горцев, из разных племен, но, по крайней мере, не враждующих друг с другом, а то в горах отношения сложные, сторонний не сразу разберется. И еще был взвод из валашских дезертиров, бездомных и озлобленных, которых на родине могла ждать только виселица, да еще и в железном ошейнике, чтобы мучились дольше. Каждый из них давно прошел через вольные роты и был уже человеком без роду и племени, готовым хоть бы и с родным Валашем воевать.

Припасами, оружием, снаряжением, новыми палатками и пледами – всем нас снабдили щедро, не скупясь. Патронов было тоже множество, десятки залитых парафином бочонков, которые покоились на телегах. Расположившись лагерем, мы больше месяца организовывали службу, стреляли, тренировали строй, привыкали к новым для многих командам, в общем, превращали толпу наемников в отряд. Поскольку люди в большинстве были опытными, с этим справились хорошо.

Пришлось и новую тактику придумывать, все были привычны к разной, кто откуда пришел. У горцев она была как у вольных, поэтому ее и предпочли – в конной атаке обстрел противника из карабинов, потом из длинного револьвера, уже на скаку, для того чтобы строй его в смятение привести, а уж потом кто как – кто за второй револьвер, а кто и за шашку. К такой тактике склонились потому, что от щедрот Круглого Арио нашей сотне раздали рейтарские револьверы, длинные, тяжелые, под длинный сильный патрон, из каких стрелять можно было смело шагов на двести. А сблизив из них стреляли другими патронами, по пять тяжелых картечин в каждом, как из ружья. Эти револьверы Хорг приказал держать в кобуре у седла, чтобы в пешем бою не мешались, что и правильно в общем, лишний вес бойцу ни к чему.

Самым молодым в отряде был Бире Хорек – мальчишка лет семнадцати, сирота, выросший в Вольной роте. Отличался он тем, что мог совершенно бесшумно и незаметно проскользнуть мимо любого часового, умел пробраться и прокрасться, и Хорг сразу начал его выделять, назначив штатным разведчиком.

Молодым был еще один вольный, которого звали, как и моего погибшего вестового, Баратом. Он даже внешне на него чуть похож был, такой же худой, сильный, смуглый. Надо ли

говорить, что я его к себе вестовым и взял. Остальные же люди были возраста скорее зрелого, что и хорошо для такого отряда.

Вольные все были из разных мест, разных городков, разных полков. Кто уцелел случайно во время устроенной валашцами бойни, кто просто в тот момент в отъезде был и под нее не попал, но общее горе и общая жажда мести объединила их всех в отряд, готовый на все. Люди во взводе даже разговаривали мало, словно чтобы не трогать свою боль и боль товарищей лишней раз, потому что начни любой разговор – все равно он сворачивал на семьи, родных, свою землю, а тут почти все одинокими стали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.